

МИРНОЕ СОСУЩЕСТВОВАНИЕ

с
*разных
точек
зрения*

ИЗДАНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭМИГРАНТОВ ИЗ СССР (ЦОПЭ)

МЮНХЕН

1960

Три статьи

МИРНОЕ СОСУЩЕСТВОВАНИЕ

**Никита Хрущев
Джордж Кеннан
Федор Лебедев**

**ИЗДАНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭМИГРАНТОВ ИЗ СССР (ЦОПЭ)**

МЮНХЕН

1960

Verlag ZOPE
München 19, Renatastr. 77 • Deutschland

О МИРНОМ СОСУЩЕСТВОВАНИИ

Никита ХРУЩЕВ

Я слышал, что проблема мирного сосуществования государств с различными социальными системами занимает сейчас первое место в сознании американцев, да и не только американцев. Проблема мирного сосуществования, особенно в наше время, занимает буквально каждого жителя нашей планеты.

Мы все прекрасно знаем, какие великие перемены произошли в мире за последние годы. В далеком прошлом остались дни, когда поездка с одного континента на другой занимала две недели и когда путешествие из Европы в Америку или из Азии в Африку казались весьма сложным предприятием. Современная технология сделала нашу планету меньше; можно сказать, что она как бы сузилась в результате. Даже в личной жизни, когда люди живут на небольшом клочке земли, установление нормальных отношений становится для них в высшей степени важным делом; насколько же важнее становится проблема установления таких нормальных отношений между отдельными государствами, особенно если они обладают различными социальными системами.

Можно любить своего соседа, и можно относиться к нему недружелюбно. Никто не может никого заставить дружить со своим соседом или непременно ходить к нему в гости. И, тем не менее, сожительство продолжается, и что можно поделать, если ни вы ни ваш сосед не изъявляют желания покинуть родной дом и отправиться в другой город? Тем более относится это к отношениям между различными го-

сударствами. С вашей стороны было бы в высшей степени неразумным ожидать, что мы, если вам удастся создать неприемлемую для нас атмосферу в этом мире, решим отправиться на Марс или на Венеру. Не имеем такой возможности, конечно, и мы по отношению к вам.

Что же нам остается? Имеется две возможности, два выхода: или война — а война с участием ракет и атомного оружия грозит огромными бедами для всех народов — или мирное сосуществование. Нравится вам ваш сосед или не нравится, предпринять что-либо по этому поводу вы все равно не можете, значит вы должны изыскать возможность существовать рядом с ним, потому что и вы и он пребываете на одной и той же планете.

Однако, самая концепция мирного сосуществования пугает, как говорят, своей сложностью некоторых людей, разучившихся доверять своему соседу и видящих двойное дно в каждом чемодане. Люди этого сорта, едва услышав самое слово «сосуществование», начинают вертеть его так и сяк, и примеряют его всегда на свой собственный аршин. Не жульничество ли это, не подлог ли тут? Не означает ли сосуществование, что мир будет разделен на различные сферы, каждая из которых будет отделена от другой высоким забором, так что пропадет всякая возможность общения? И что же будет тогда происходить за этим забором?

Чем больше вертят это слово поджигатели, тем труднее среднему человеку разобраться, где правда и где ложь, и понять, о чем вообще идет речь. Поэтому совершенно необходимо отделить зерно этого вопроса от всех искусственных нарастаний и попытаться трезво посмотреть на самую насущную проблему нашего времени — проблему мирного соревнования.

II

Для того, чтобы понять, настолько важно для человечества добиться мирного сосуществования, нет никакой необходимости заниматься историческим прошлым. Тем не менее, здесь стоит сказать, что европейцам в свое время

удалось бы добиться гораздо больше, если бы, вместо того, чтобы организовывать бессмысленные и кончавшиеся провалами крестовые походы, они попытались установить мирные сношения с инакомыслящими народами мусульманского Востока.

Обратимся, однако, к фактам, касающимся сравнительно недавнего прошлого, когда водораздел между различными государствами проходил не по линии религиозных верований или привычек, а состоял в гораздо более важном различии — в различии социальных систем. Это новое соотношение появилось на пороге двадцатых годов, когда, под гром орудий «Авроры», команда которой присоединилась к восставшим рабочим и крестьянам, родилась новая, не имеющая прецедента, социальная система, появилось на свет государство рабочих и крестьян.

Его появление было встречено неприязненными криками тех, кто наивно верил, что капиталистическая система вечна и неприкосновенна. Кое-кто даже сделал попытку задушить дитя в его колыбели. Чем эта попытка кончилась, известно широко: наш народ с оружием в руках голосовал за советскую власть, и эта власть крепко утвердилась на нашей земле. И даже тогда, в 1920 году, В. И. Ленин, отвечая на вопросы американских журналистов, желавших знать, на какой основе может быть обеспечен мир между Советской Россией и Америкой, сказал: «Пусть американские империалисты оставят нас в покое. Мы их трогать не станем».

С самого своего основания советское государство объявило принцип мирного сосуществования основным принципом своей внешней политики. И недаром же первым актом советской власти был декрет о мире, декрет о прекращении кровавой войны.

Но что же представляет из себя политика мирного сосуществования?

В своём простейшем выражении она означает отказ от войны, как средства для решения спорных проблем и вопросов. Это, однако, не покрывает всей широты понятия

«мирное сосуществование». Кроме воздержания от агрессии, оно требует также от всех государств приверженности политике невмешательства во внутренние дела других стран и уважения к территориальной цельности и суверенности своих соседей. Принцип мирного сосуществования означает отказ от вмешательства во внутренние дела других государств с целью изменить их систему правления, образ жизни, или по каким либо иным причинам и соображениям. Доктрина мирного сосуществования означает также, что политические и экономические отношения двух государств должны быть построены на принципе полного равноправия, со взаимной выгодой для обеих сторон.

На Западе часто утверждают, что мирное сосуществование является только тактической уловкой социалистических государств. В этом заявлении нет ни зерна правды. Наше стремление к миру и к мирному сосуществованию не зависит от требований момента и не является тактическим приёмом. Это стремление является естественным последствием организации социалистического общества, в котором отсутствуют классы или социальные группы, заинтересованные в военных прибылях или в захвате чужой территории. Советский Союз и другие социалистические государства обладают, благодаря своей социалистической системе, неограниченным домашним рынком и поэтому не имеют нужды прибегать к политике экспансии и завоеваний или стремиться подчинить другие страны своему влиянию.

Судьбы социалистических государств определяются их народами. Социалистические государства управляются трудящимися массами, рабочими и крестьянами, то-есть теми людьми, которые сами создают материальные и духовные ценности. Трудящиеся массы не хотят войны. Для них война означает горе, слёзы, смерть, разрушения и нужду. Простые люди не имеют нужды в войне.

Что бы ни говорили враждебные нам пропагандисты, сосуществование государств с различными социальными системами не означает, что страны только отгородятся друг от друга забором или высокой стеной и возьмут на себя обя-

зательство не кидать камни или грязь через эту стену. Нет, мирное сосуществование не означает жизни хотя и в отсутствии войны, но в постоянном страхе перед возможностью её возникновения в будущем. Мирное сосуществование может и должно перейти в мирное соревнование, в процессе которого должно выясниться, какая система в состоянии с большим успехом удовлетворить все потребности человека.

К лидерам капиталистических государств мы обращаемся со следующим призывом: давайте испытаем на практике, чья система лучше, давайте соревноваться без войны! Это лучше, чем соревноваться в том, кто из нас в состоянии произвести больше оружия и кто кого может при помощи этого оружия уничтожить. Мы всегда стояли и стоим за соревнование, которое поможет людям улучшить их жизнь.

Принцип мирного сосуществования никак не требует, чтобы одно из соревнующихся государств отказалось от его социальной или идеологической системы. Само собою разумеется, что простое принятие принципа не ликвидирует всех споров и противоречий, неизбежных в отношениях между государствами с различными социальными системами. Но основное достижение остается: страны, выбравшие путь мирного сосуществования, отказываются от применения силы в любой форме и соглашаются добиваться мирного разрешения всех споров и конфликтов, не забывая при этом интересов обеих заинтересованных сторон. В наше время водородной бомбы и атомной техники, отказ от насилия в международном масштабе занимает простого человека больше, чем что-либо другое.

Выражая свое скептическое отношение к идее мирного сосуществования, вице-президент США Никсон пытался обнаружить противоречие между стремлением советского народа к миру и его желанием сосуществовать с капиталистическими государствами, и плакатами, вывешенными на наших заводах и призывающими рабочих повысить трудовые нормы и тем добиться скорейшей победы коммунизма.

Эта нотка прозвучала в его речи по советскому радио и телевидению в августе 1959 года.

Мы не в первый раз слышим такого рода рассуждения со стороны представителей буржуазных стран. Они говорят: советские вожди утверждают, что они за мирное сосуществование. В то же время они говорят, что борются за коммунизм, и даже что коммунизм рано или поздно победит во всех странах. Как же мы можем сосуществовать с Советским Союзом, если он борется за коммунизм?

Люди такого рода сознательно или бессознательно запутывают дело, смешивая проблемы идеологической борьбы с проблемами отношений между государствами. Те, кто так запутывает дело, руководятся, по всей вероятности, желанием бросить тень на коммунистов Советского Союза и представить их сторонниками агрессивных действий. Мне это кажется очень не умным.

Коммунистическая партия Советского Союза продемонстрировала на своем двадцатом съезде с полной очевидностью, что все утверждения, будто Советский Союз намеревается свергнуть капитализм при помощи «экспортирования» революций, ни на чём не основаны. Я не могу не напомнить здесь мои слова на двадцатом съезде: «Само собой разумеется, что среди нас, коммунистов, нет приверженцев капитализма. Но это никак не означает, что мы собираемся вмешиваться во внутренние дела государств, в которых капитализм все еще существует. Ромен Ролан был прав, утверждая, что «свободу нельзя привезти из-за границы в багаже, как были привезены Бурбоны». Глупо думать, что революции делаются на заказ».

Мы, коммунисты, убеждены, что коммунизм в конце концов победит во всем мире, также как он победил в нашей стране, в Китае и во многих других государствах. Многие читатели вашего журнала, вероятно, не согласятся с нами. Возможно, они даже верят, что конечная победа будет принадлежать капитализму. Это их право. Можно спорить, можно друг с другом не соглашаться, главное — оставаться на позициях идеологической борьбы, не прибе-

гая к оружию с целью доказать свою правоту при помощи насилия. В настоящее время, вследствие развития техники, на земном шаре не осталось недоступных областей. Начнись война, и ни одна страна не сможет избежать грозного удара.

Мы верим, что конечная победа будет принадлежать той системе, которая сумеет предложить народам большие возможности развития в материальном и духовном отношении. Только социализм открывает перед массами великие перспективы развития, расцвета культуры и науки, осуществление человеческой мечты о счастливой жизни, о жизни без безработицы и без нужды, жизни, обещающей счастливое детство и спокойную старость; только социализм создает предпосылки для осуществления самых смелых человеческих проектов, дает каждому право трудиться и творить свободно и в интересах народа.

Говоря о том, что наша система в мирном сосуществовании и в мирном соревновании непременно победит, мы, конечно, не хотим этим сказать, что эта победа будет достигнута при помощи вмешательства во внутренние дела капиталистических стран. Наша уверенность в победе коммунизма покоится на другом. Она покоится на знании законов, руководящих развитием общества. Как в своё время капитализм, как более прогрессивная система, сменил феодализм, так капитализм будет неизбежно заменен коммунизмом — более прогрессивной и более справедливой системой общественного и государственного устройства. Мы уверены в победе социалистической системы, потому что социалистическая система прогрессивнее капиталистической системы. Советская власть существует немногим более сорока лет, и в эти годы мы уже прошли через две страшных войны, отразив нападение врага, пытавшегося нас задумать. Капитализм существует в Соединенных Штатах более полутора столетия, история Соединенных Штатов сложилась так, что им ни разу не пришлось пережить высадку врага на своей территории.

Тем не менее, динамика развития СССР по сравнению с динамикой развития США такова, что она позволяет соро-

кадвухлетней стране советов вызвать сто-пятидесяти-летнее капиталистическое государство на экономическое соревнование. Наиболее дальновидные американские вожди признают уже сейчас, что Советский Союз догоняет Соединенные Штаты, и в конечном итоге их перегонит. Наблюдая за этим соревнованием со стороны, каждый может сам для себя решить, какая система лучше, и мы уверены, что в конечном итоге все народы мира вступят на путь строительства социализма.

Вы с нами не согласны? Докажите фактами, что ваша система превосходит нашу, что она в состоянии обеспечить народу более высокий уровень довольства, что человек при капитализме будет счастливее, чем при социализме. Доказать это невозможно. Я не могу иначе объяснить тот факт, что на Западе не прекращаются разговоры о необходимости «насильственно повернуть вспять» коммунизм. Недавно Сенат и Палата представителей Соединенных Штатов приняли резолюцию, призывающую к «освобождению» социалистических стран, будто бы поработанных коммунизмом, и даже некоторых республик, входящих в Советский Союз. Авторы этой резолюции призывают к «освобождению» Украины, Белоруссии, Литвы, Латвии, Эстонии, Армении, Азербайджана, Грузии, Казахстана, Туркестана и даже какой-то «Уральской области».

Я бы скрыл правду, если бы не сказал, что эта неумная резолюция была воспринята советским народом, как провокационный акт. Я лично согласен с таким определением.

Кстати, было бы интересно посмотреть, как реагировали бы авторы этой резолюции, если бы, скажем, парламент Мексики принял резолюцию, требующую «освобождения» штатов Техас, Аризона и Калифорния «из-под американского рабства». Они, очевидно, никогда не задумывались над такой возможностью, а жалко. Сравнения помогают иногда лучше понять существо проблемы.

Побывавшие в Советском Союзе ведущие американские политики и общественные деятели, имели полную возможность убедиться в том, что никому и никогда не удастся

посеять рознь между советским народом с одной стороны и советским правительством и коммунистической партией с другой, так же, как никогда не удастся спровоцировать этот народ на восстание против коммунизма. Как же можем мы тогда объяснить это постоянное стремление «обратить коммунизм вспять»? О чём думают эти люди? Готовят они вооруженное вмешательство во внутренние дела социалистических стран? Но на Западе, как и на Востоке, люди прекрасно понимают, что, в условиях развития современной военной техники, такая попытка вызвала бы немедленный и страшный контр-удар.

Итак, мы возвращаемся к тому, с чего мы начали. В наше время существует только две возможности: мирное сосуществование, или самая разрушительная в истории человечества война. Третьего выхода просто нет.

III

Проблема сосуществования государств с различными социальными системами стала особенно насущной в результате того, что развитие отношений между различными государствами после второй мировой войны вступило в новую фазу. Мы сейчас приближаемся к тому моменту в жизни человечества, когда появляются реальные предпосылки для ликвидации угрозы войны раз и навсегда. Соотношение сил, создавшееся после второй мировой войны, позволяет предполагать, что новая война не является неизбежностью, что ее можно предотвратить.

Во-первых, в настоящее время не только социалистические государства, но и многие страны Азии и Африки, добивавшиеся национальной независимости, а также многие другие страны, стоящие в стороне от военных группировок, включились в борьбу за мир.

Во-вторых, политика мира пользуется поддержкой широких масс населения во всех частях земного шара.

В третьих, социалистические страны обладают огромными материальными возможностями, которые не могут не иметь устрашающего эффекта на силы агрессии.

До второй мировой войны Советский Союз был единственным социалистическим государством, со всего лишь 17% территории, 3% населения и едва 10% производственных сил по отношению к общему потенциалу нашей планеты. В настоящее время социалистические страны могут похвастаться одной четвертью площади земного шара, включают в себя одну треть его населения, и их промышленное производство равняется одной трети всего промышленного производства всех государств нашей планеты.

В этом и следует искать объяснения, почему опасность войны, вспыхивавшая в различных частях земного шара в последнее десятилетие — на Ближнем Востоке, в Европе, на Дальнем Востоке и в Юговосточной Азии — ликвидировались немедленно и безо всяких последствий.

Что же обещает нам будущее?

В результате выполнения и перевыполнения семилетнего плана развития экономики СССР, а также выполнения и перевыполнения планов развития других социалистических стран Европы и Азии, страны социалистической системы будут производить немногим более половины всего производимого на этой земле. Их экономическая мощь возрастет неимоверно, и это станет еще одним фактором в защиту мира: материальный и моральный авторитет миролюбивых стран станет настолько велик, что каждый воинствующий милитарист подумает десять раз, прежде чем рискнуть на войну. Возникновение социалистических стран, не заинтересованных в развязывании войны, было огромным счастьем для человечества, потому что для построения коммунизма и социализма эти страны нуждаются в мире. Уже сегодня семья социалистических государств, возникшая на базе полного равноправия, добилась такого положения в области развития всех областей экономики, науки и культуры, которое позволяет ей употреблять свое влияние в пользу предотвращения новой войны.

Таким образом, мы находимся самым буквальным образом на пороге такого момента в развитии человечества, когда ничто больше не мешает людям посвятить себя

мирному труду, когда война будет окончательно изгнана из жизни общества.

Но, говоря о том, что война в настоящее время не неизбежна, мы вовсе не хотим этим сказать, что теперь можно почить на лаврах, сложить руки и купаться в лучах надежды, считая, что нам теперь уже удалось положить конец всем войнам. Те элементы на Западе, которые считают, что война может принести им прибыль, не оставили еще своих интриг. Под их контролем находятся значительные материальные силы, в их руках большие политические и военные возможности, и поэтому никто не может нам гарантировать, что в один трагический день они не попытаются пустить всё это в ход. Именно поэтому так остро ощущается нужда в активной борьбе, направленной на обеспечение политики мирного сосуществования, которая должна восторжествовать не на словах, а на деле.

Важно еще и то, что эта политика не только добилась в наши дни широкого морального одобрения, но и обладает юридическим признанием. Страны социалистического блока руководятся в своих отношениях со странами капиталистического блока именно этой политикой. Принцип мирного сосуществования отражен в решениях Бандунгской конференции азиатских и африканских государств. Более того, многие страны Европы, Азии и Африки провозгласили его основой своей внешней политики. И, наконец, идея мирного сосуществования нашла свое отражение и добилась единогласной поддержки в решениях двенадцатой и тринадцатой сессий Генеральной ассамблеи Объединенных наций.

С нашей точки зрения, мирное сосуществование может стать постоянным фактором только если декларации в пользу мира отразятся также и в практической политике всех правительств и всех народов. Что касается Советского Союза, то он сделал в этом отношении уже довольно много, и я позволю себе поделиться с вами этим опытом.

Уже 12-го марта 1951 года Верховный Совет СССР принял «Закон о защите мира», в котором говорится:

1. Пропанганда войны, в какой бы форме она ни велась, подрывает дело мира, создает опасность новой войны и, таким образом, представляет из себя величайшее преступление против человечества.

2. Лица, виновные в пропаганде войны, должны предстать перед судом и ответить за свое отвратительное преступление.

Более того, Советский Союз в последние годы односторонне сократил свои вооруженные силы на более чем 2.000.000 человек. Освободившиеся таким путём средства были использованы на развитие экономики и на дальнейшее повышение материального и культурного уровня жизни советского народа.

Советский Союз ликвидировал все свои военные базы, находившиеся на иностранной территории.

Советский Союз односторонне прекратил испытания атомного оружия и воздерживался от таких испытаний, покамест не стало ясно, что западные державы отказываются последовать нашему примеру и продолжают свои испытания.

Советский Союз повторно делал детальные и вполне реалистичные предложения касательно проблемы разоружения и всюду готов был встретить предложения Запада на пол-пути. Но эта проблема может быть решена только, если Запад согласится и нас встретить на пол-дороге. А это как раз то, чего не хватает и чего мы не видим.

Когда выяснилось, что при таком положении невозможно разрешить проблему разоружения немедленно, мы сделали нашим партнерам другое, совершенно конкретное, предложение: давайте сконцентрируем наше внимание на тех вопросах, которые наиболее легко поддаются разрешению. Давайте разберём сначала те проблемы, по поводу которых удалось уже достигнуть частичного соглашения.

Совершенно очевидно, что к таким вопросам относится и вопрос о прекращении испытания атомного и водородного оружия. Прогресс, достигнутый в этом вопросе, позволяет надеяться, что соглашение о прекращении атомных и водо-

родных испытаний будет достигнуто в самом ближайшем будущем. Реализация этого соглашения явится, само собой разумеется, важным шагом на пути к разоружению и к общему запрещению использования и производства атомного и водородного оружия.

Придавая важное значение личным контактам между государственными деятелями всех стран, советское правительство предложило несколько лет тому назад встречу глав правительств Востока и Запада, на которой может быть достигнуто соглашение о мерах, — конечно, на основе реальностей сегодняшнего дня и духа взаимопонимания, — реализация которых поможет разрядить международное напряжение.

Мы также предложили, чтобы эта конференция занялась теми международными проблемами, для урегулирования которых существуют реальные предпосылки. В качестве первого шага для такого урегулирования, мы предложили заключение мирного договора с Германией и объявление Западного Берлина свободным, демилитаризованным городом. Мне хочется тут подчеркнуть, что мы руководились при этом исключительно желанием ликвидировать последствия второй мировой войны. Мы считаем ликвидацию последствий второй мировой войны и заключение мирного договора с двумя немецкими государствами — с Германской демократической республикой и с Германской федеративной республикой — вопросом вопросов.

И действительно, германский народ до сих пор не подписал мирного договора, несмотря на то, что с конца второй мировой войны прошло уже четырнадцать лет. Эта оттяжка дала западно-германским милитаристам и реваншистам возможность развернуть заново свою деятельность. Они уже прокламировали свои агрессивные планы, делая заявки на некоторые земли Польши и Чехословакии. Германские реваншисты думают, само собою разумеется, не только о походе на Восток — они знают также и путь на Запад. Во вторую мировую войну гитлеровцы, прежде чем начать

войну против Советского Союза, оккупировали Западную Европу.

Сможет ли направление удара, выбранное германскими реваншистами для их агрессии, стать утешением для народов Европы, если глобальная война разразится на их континенте? Игнорировать уроки истории дело опасное. Повторное игнорирование их приводит к трагедии.

Некоторые говорят: советский народ слишком чувствителен. Можно ли предполагать, что нынешняя Западная Германия в состоянии развязать новую мировую войну? Задающие такой вопрос забывают, что в настоящее время Западная Германия действует на мировой арене не в одиночку, а в рамках военного Северо-атлантического блока. Внутри этого блока она играет решающую роль. Более того, жизненный опыт показывает, что Северо-атлантический союз постепенно превращается в орудие германского империализма, что позволяет реваншистам легче осуществить свои агрессивные планы. Это даёт Западной Германии возможность, используя свое положение внутри Северо-атлантического союза, начать военные действия с целью втянуть в них своих союзников и, таким образом, ввергнуть весь мир в пучину новой разрушительной войны.

Все это показывает, насколько своевременны и реалистичны предложения советского правительства о заключении мирного договора с Германией и о нормализации положения в Западном Берлине.

Тем не менее, многие противники советских предложений на Западе заявляют, что если Советский Союз действительно стремится к мирному сосуществованию, то он должен согласиться даже на сохранение статус-кво. Другие утверждают, что согласие на подписание мирного договора с двумя германскими государствами будет равняться для Запада отступлению, и что Советский Союз должен это «отступление» компенсировать.

С нашей точки зрения, эти утверждения не основаны ни на чем. Задача, стоящая перед нами, заключается в том, чтобы ликвидировать последствия второй мировой войны и

заключить мирный договор. В этой связи просто нельзя говорить о том, что кто-то может что-то потерять и кто-то что-то приобрести, или о том, что кто-то должен делать уступки и кто-то их принимать. Все участники этого договора приобретут прочную основу для обеспечения мира в Европе и во всём мире в форме мирного договора. Разве это не в интересах всех народов?

Временами, и особенно часто в последнее время, некоторые лица на Западе заходят так далеко, что берутся утверждать, будто ликвидация последствий второй мировой войны скорее увеличит международное напряжение, чем разрядит его. Трудно поверить, что за этими заявлениями не скрываются какие-то тайные замыслы, тем более, когда, одновременно, делается попытка представить в извращённом виде политику СССР, которая направлена исключительно на обеспечение прочного и длительного мира. Нам кажется, что советская политика по отношению к Германии не только не ведёт к войне, как утверждают эти лица, а, наоборот, наиболее отвечает существующему положению вещей.

Похоже на то, что трезвые политики Запада начинают постепенно отказываться от точки зрения, утверждающей, что проведение, так называемого, объединения Германии должно предшествовать подписанию мирного договора. Они начинают понимать, что при существующем положении вещей это объединение может быть осуществлено только самими немцами и не зависит от внешнего вмешательства. Мы бы начали с совершенно очевидного факта наличия двух немецких государств и предоставили бы самим немцам решать, какую форму правления они предпочитают. Поскольку же два эти государства — Германская демократическая республика и Германская федеративная республика — существуют, мирный договор должен быть подписан с ними потому, что всякая отсрочка не только помогает сохранять ненормальное положение вещей, но и углубляет опасность.

Что касается германского единства, то я убежден, что рано или поздно оно будет осуществлено. Однако, пока этого нет — и никто не может сказать, когда именно это будет — не должно предпринимать никаких попыток внешнего вмешательства в этот внутренний процесс. Не следует тоже сохранять состояние войны, грозящее миру в Европе и во всём мире. Желание сохранить мир и предотвратить новую войну должно перевешивать все другие соображения, и это в сознании всех государственных деятелей, совершенно вне зависимости от их идеологических привязанностей. Гордиев узел надо разрубить: мирный договор должен быть заключен, если мы не хотим играть с огнём — жизнью миллионов и миллионов людей.

IV

В этой связи невозможно также игнорировать проблему Западного Берлина. Общеизвестно, что германские реваншисты сделали Западный Берлин своей базой и руководят оттуда подрывной деятельностью, направленной на развязывание новой войны. Мы категорически протестуем против всех попыток приписать Советскому Союзу желание захватить Западный Берлин или лишить его население права на его теперешний образ жизни. Добиваясь нормализации положения в Западном Берлине, мы, напротив, предлагаем превратить его в вольный город и, совместно с западными державами, готовы гарантировать населению Западного Берлина сохранение того образа жизни и тех социальных порядков, которые ему наиболее по душе. Это показывает, что позиция Советского правительства вполне сходна, если судить по сделанным по этому поводу заявлениям той и другой стороны, с позицией западных держав. Мы, как и они, стоим за независимость Западного Берлина и за сохранение в нем теперешнего образа жизни.

Поэтому остается только преодолеть преграды, воздвигнутые холодной войной, чтобы найти путь к соглашению по вопросу о Западном Берлине и по более широкому вопросу заключения мирного договора с двумя немецкими го-

сударствами. Это и есть путь, который приведёт нас к разрядке международного напряжения и мирному сосуществованию. Это поможет нам укрепить доверие друг к другу в отношениях между различными государствами и постепенно покончить с атмосферой недружелюбия и подозрительности в международных отношениях.

Реализация советских предложений не затронет интересов западных держав и никому не принесёт односторонней выгоды. В то же время разрешение германской проблемы предотвратит опасное развитие событий в Европе, устранил одну из основных причин международного напряжения и создаст благоприятную атмосферу для урегулирования других международных проблем.

Предложение Советского Союза обсуждалось на конференции министров иностранных дел четырех держав в Женеве. Министрам не удалось прийти к соглашению, но женеvская конференция сделала полезное дело. Там удалось сблизить обе точки зрения, и возможность добиться соглашения по некоторым вопросам стала очевидной.

В то же время, мы еще расходимся во взгляде на многие проблемы. Я совершенно уверен, что эти разногласия не носят капитального характера и не исключают возможности соглашения. И если эти разногласия все еще существуют и нам не удастся добиться соглашения по некоторым важным вопросам, то причина этого, как я имею основания верить, заключается в том, что западные державы делают уступки канцлеру Аденауэру, ведущему милитаристскую политику, политику германских реваншистов. В этом случае Соединенные Штаты, Британия и Франция с опасностью для себя пытаются умиротворить канцлера Аденауэра. Для союзников Западной Германии по НАТО было бы лучше и полезнее, если бы они уверили канцлера Аденауэра в том, что его политика угрожает делу мира и может принести неисчислимые бедствия Западной Германии. Все это ещё раз подчёркивает тот факт, что представители заинтересованных государств должны ещё проделать

известную работу, чтобы облегчить принятие взаимоприемлемых решений.

Я считаю, что моя поездка в США и последующий визит президента Эйзенхауэра в Советский Союз даст нам возможность полезного обмена мнениями, поможет найти общий язык и общее понимание предстоящих к решению проблем.

V

Мы готовы и сейчас, как были готовы всегда, сделать всё возможное для того, чтобы отношения между Советским Союзом и другими странами, и в особенности отношения между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки, покоились на основе дружбы и полностью соответствовали принципу мирного сосуществования.

Мне хочется повторить здесь то, что я однажды уже сказал во время моей недавней пресс-конференции в Москве: «Улучшение советско-американских отношений не сможет не повести к улучшению отношений и с другими странами, оно поможет рассеять серые тучи и в других частях земного шара. Конечно, мы стремимся к дружбе не только с США, но также и с друзьями США. В то же время мы хотели бы, чтобы США наладили дружеские отношения не только с нами, но и с нашими друзьями».

Что же мешает нам сделать принципы мирного сосуществования основой отношений между Западом и Востоком?

На этот вопрос можно давать разные ответы. Но, чтобы быть честными до конца, мы должны заявить следующее: необходимо, чтобы все постигли неопровержимость истины, гласящей, что исторические процессы необратимы. Невозможно вернуть вчерашний день. Пора понять, что мир двадцатого века это не мир девятнадцатого столетия, что сегодня в мире существуют две диаметрально противоположные социальные и экономические системы, и что социалистическая система, несмотря на все выпады и напад-

ки против нее, выросла в такую силу, которая закрывает всякую возможность возвращения к прошлому.

Железные факты последнего десятилетия свидетельствуют о том, что все попытки «обратить коммунизм вспять» только отравляют международную атмосферу, увеличивают напряженность международных отношений и работают на пользу холодной войны. Ни вдохновители такой политики, ни те, кто проводит ее в жизнь, не могут обратить вспять колесо истории и реставрировать капитализм в социалистических странах.

Мы всегда считали американцев народом реалистов. Тем более поражает нас тот факт, что в числе руководителей Соединенных Штатов все ещё имеются люди, пытающиеся, несмотря на провал политики «обращения коммунизма вспять», идти своим собственным путем. Не пора ли взглянуть на вещи трезво и сделать соответствующие выводы из уроков последних пятнадцати лет? Разве ещё не всем ясно, что последовательная приверженность политике мирного сосуществования позволит улучшить международное положение, резко сократить расходы на вооружение и освободить огромные материальные ресурсы для более благородных целей?

Известный британский учёный Дж. Бернал подсчитал недавно, что общая сумма расходов на военные нужды в период с 1950 по 1957 год по всему миру выражается в 90 миллиардов долларов. Сколько можно было построить фабрик, квартир, школ, больниц и библиотек на деньги, расходуемые на приготовления к следующей войне! И насколько быстрее пошло бы экономическое развитие отсталых стран, если бы мы использовали на это хотя бы только часть тех сумм, которые сейчас уходят на военные нужды!

VI

Не трудно догадаться, что политика мирного сосуществования может быть построена на прочном фундаменте только при развитии широкой и совершенно ничем не огра-

нической международной торговли. Можно даже, без страха преувеличения, сказать, что лучшей основой для улучшения отношений между нашими странами, чем развитие международной торговли, нет и быть не может.

Если мы действительно хотим проводить в жизнь принцип мирного сосуществования не на словах, а на деле, то совершенно ясно, что идеологические разногласия не должны тогда мешать развитию и расширению взаимно-выгодных экономических и торговых связей, обмену всем, производимым человеческим гением.

В этой связи стоит напомнить, что в начале двадцатых годов западные державы, исходя из соображений экономической выгоды, согласились установить торговые отношения с нашим государством, несмотря на наличие глубочайших идеологических расхождений. С тех пор, если не считать сравнительно коротких промежутков времени, торговые связи между Советским Союзом и капиталистическими странами не переставали развиваться и крепнуть. Идеологические расхождения не помешали, например, развитию и расширению торговых отношений между Советским Союзом и Великобританией, а также другими западными странами в последние годы. Мы не скрываем нашего желания установить нормальные экономические и деловые отношения с Соединенными Штатами, считая, что эти отношения должны исключать всякую дискриминацию и всякие ограничения.

В июне прошлого года советское правительство обратилось к правительству Соединенных Штатов с предложением развить экономические и торговые отношения между двумя нашими государствами. Мы предложили широкую и конкретную программу развития советско-американской торговли на основах взаимовыгоды. Принятие наших предложений бесспорно послужит интересам обоих народов и обеих наших стран. До сих пор, однако, эти предложения не были ни приняты ни развиты.

Добиваясь возобновления нормальных торговых отношений с Соединенными Штатами, Советский Союз не пре-

следует каких либо особых целей. В нашем экономическом развитии мы полагаемся исключительно на внутренние возможности нашей страны, на её ресурсы и силы. Все наши планы будущего развития выработаны в соответствии с этими внутренними возможностями. Как и в прошлом, работая над этими планами, мы учитываем только наши собственные возможности и силы. Осуществление наших экономических планов не зависит от того, будем мы торговать с Западом, включая и Соединенные Штаты, или нет.

Однако, если обе стороны искренне желают улучшить существующие отношения, все барьеры в международной торговле, существовавшие доныне, должны быть сняты. Те, кто желает и добивается мирного сосуществования, не могут не сочувствовать и развитию торговли, и экономических и деловых контактов. Международная жизнь может развиваться нормально только на этой основе.

VII

Мирное сосуществование — единственный путь, на котором мы можем послужить интересам народов всех стран. Отказаться от него — значит, при существующем положении вещей, осудить весь мир на страшнейшую и разрушительнейшую войну, и это несмотря на то, что такая война может быть очень легко предотвращена.

Возможно ли предположить, что в дни, когда человечество доказало свою способность совершать величайшие открытия и сделало первый шаг в мировое пространство, оно не сумеет использовать колоссальные достижения своего гения для установления прочного мира, для блага человечества, а не для новой войны и нового разрушения, которое уничтожит всё, что было создано трудами тысячелетий. Разум отказывается поверить этому. Он протестует.

Советский народ объявлял уже не раз и объявляет снова, что он не хочет войны. Если Советский Союз и дружественные с ним государства не подвергнутся нападению, мы никогда не используем наше оружие против США или против какой либо другой страны. Мы не хотим ужасов войны,

разрушения, страдания и смерти для нас самих или для других народов. Говорим мы это не потому, чтобы мы кого либо боялись. Вместе с нашими друзьями мы едины и сильны, как никогда прежде. Но именно поэтому мы и утверждаем, что война может и должна быть предупреждена. Именно желая избавить человечество от угрозы войны, мы вызываем западные державы на мирное и благородное соревнование. Мы говорим всем: давайте доказывать друг другу превосходство собственной системы не при помощи кулаков или войны, а при помощи мирного экономического соревнования в условиях мирного сосуществования.

Что же касается социальной системы в той или иной стране, то это внутреннее, домашнее дело каждого данного народа. Мы всегда стояли и попрежнему стоим за невмешательство во внутренние дела других народов. Мы всегда соблюдали и будем соблюдать этот принцип. Вопрос о том, какая система будет существовать в США или в других капиталистических странах, может быть решен только американским народом, только народами этих других стран.

Существование Советского Союза и других социалистических государств — реальность сегодняшнего дня. Такой же реальностью является и то, что Соединенные Штаты и другие капиталистические государства живут в совершенно иных социальных условиях, в условиях капитализма. Давайте же примиримся с этой реальностью и перестанем восставать против нее, восставать против самой жизни. Давайте не будем пытаться изменить положение вещей вмешательством извне или при помощи войны одной группы государств против другой группы.

Я повторяю — есть только один путь к миру, один путь к разрядке напряженной международной обстановки: путь мирного сосуществования.

„Foreign Affairs“ Vol. 38 № 1—1959. Перевод А. Кашина.

МИРНОЕ СОСУЩЕСТВОВАНИЕ

(Мнение Запада)

Джордж Ф. КЕННАН

В общественной дискуссии, сопровождавшей то, что мы называем холодной войной, ни один термин не подвергался такому бессовестному извращению, как термин «сосуществование». В прошлом номере журнала «Foreign affairs» Хрущев в статье за его подписью дал нам интересное определение того, что он понимает под этим словом. Мирное сосуществование, говорит он, означает, в сущности, ничто иное, как отказ от войны, как средства разрешения спорных вопросов. Оно предполагает отказ от всякой формы нарушения территориального единства и суверенитета чужой страны. Оно означает также отказ от вмешательства во внутренние дела этого государства. Оно предполагает, что экономические отношения между отдельными странами должны быть построены на принципе равноправия и взаимовыгоды. Мирное сосуществование включает в себя, говорит он, ликвидацию даже самой угрозы войны. Оно должно постепенно вылиться в мирное соревнование с целью максимально удовлетворить нужды человечества.

Мистер Хрущев не только дал нам это определение термина «мирное сосуществование», но и заявил, что Советский Союз всегда придерживался этих принципов, придерживается их со дня революции 1917 года и не может их не придерживаться, поскольку они естественно вытекают из его социальной сущности; в то же время на Западе всё ещё имеются влиятельные круги, не придерживающиеся, с его точки зрения, этих принципов, считающие, что «война может быть для них прибыльным делом», желающие

навязать «капитализм» людям, которые от него отреклись. Спротивление этих кругов должно быть преодолено, прежде чем мирное сосуществование сможет стать реальностью.

II

Утверждение, что советское государство со дня своего основания провозглашало принцип сосуществования и полагало его в основу своей внешней политики, причем первые коммунистические вожди в России держались мнения о том, что мирное сосуществование может и должно управлять отношениями между государствами с различными социальными системами, звучит поражающе.

Невольно возвращаешься к истории этих ранних лет существования советской власти. Вполне можно поверить, что авторитетные московские круги сегодняшнего дня несколько иначе оценивают возможности насильственной социальной революции в основных индустриальных странах Запада, и вполне возможно, что они даже сомневаются в необходимости такой революции. Можно даже поверить, что они сегодня иначе смотрят на свои обязанности по отношению к рабочим западных стран, чем это было в 1917 и 1918 годах. Если это так, то, конечно, лучше забыть о том, что было, и не осложнять проблему мирного сосуществования воспоминаниями о прошлом. В конце концов, 1917 и 1918 годы были годами великих революционных переворотов и трагических осложнений в истории мира. Тогда люди действовали, руководясь чувством ненависти. Тогда и коммунисты и не-коммунисты натворили многое, что сегодня, с перспективы сорока лет, кажется ненужным и обидным. В не-коммунистическом мире сейчас найдётся очень небольшое количество людей, желающих возродить споры тех дней или оппонировать с позиций взглядов и предубеждений времён первой мировой войны и времени непосредственно следующего за ней.

Но когда от нас требуют, чтобы мы тогдашние настроения и высказывания советских вождей принимали как до-

казательство приверженности русского коммунизма к принципам отказа от применения насилия, как средства для разрешения спорных политических вопросов, отказа от вмешательства в дела иностранных государств и провозглашения мирного соревнования, как основного принципа отношений между странами с различными социальными системами, — западные учёные не могут удержаться от выражений изумления и протеста. Просто удивительно, как мало уважения к подлинной истории русского революционного движения находим мы у тех, кто сегодня объявляют себя хранителями его традиций и продолжателями его дела и, тем не менее, готовы извратить все в интересах тактического преимущества. Дрожь пробегает, когда подумаешь, как отнёсся бы Ленин к этим нелепым извращениям. Неужели нынешние вожди русской коммунистической партии забыли, что Ленин считал себя **«международным социалистическим вождем!»** Кто писал 3-го октября 1918 года: «Большевистский рабочий класс России был всегда интернационалистским не только на словах но и на деле, в отличие от этих преступников — героев и вождей Второго Интернационала»? Кто заявлял в том же документе: «Русский пролетариат должен понять, что от него скоро потребуется огромное самопожертвование для дела интернационализма... Будем же готовиться к этому уже сейчас. Докажем, что русский рабочий в состоянии работать гораздо более энергично и бороться и умирать в духе подлинного самопожертвования, когда речь идет не об одной только русской революции, но о международной рабочей революции»?.. (Ленин «Сочинения» 4-ое издание, Москва, 1952 г., том 28, стр. 83).

Как прекрасно знает каждый коммунист в России, это только одна цитата из буквально тысячи возможных, доказывающая, что большевики ленинских времен считали социализм делом всеобщим и международным, то-есть исповедовали убеждения, требующие вмешательства во внутренние дела чужих государств, с целью изменения их социальной системы и образа жизни.

Заявление, сделанное Хрущевым о том, что политическая власть, доминирующая в Советском Союзе, всегда защищала принципы сосуществования, предлагает нам также забыть о длинной и темной истории отношений между Москвой и иностранными коммунистическими партиями в эру правления Сталина. Мы имеем на руках достаточное количество документов, показывающих, в каких целях, кем именно и какими методами были эти партии использованы. Многие из нас на Западе были бы рады забыть и об этом, когда речь идет о положении сегодняшнего дня. Но одно дело забыть, и совсем другое позволить надругаться над собственным разумом. И если руководители в Москве желают, чтобы история этих несчастных лет была вне пределов Советского Союза забыта, они должны отказаться от своей тактики извращения исторических фактов и не выдавать получившуюся таким образом фальшивую картину за доказательство миролюбивых и сосуществовательских стремлений русского коммунизма.

Более ста лет назад известный западный путешественник Маркиз де Кюстин писал из Петербурга, что, «русский деспотизм не только не считается с идеями и чувствами — он берется переделывать факты и побеждает таким путем в борьбе».

Сегодня на такую победу рассчитывать не приходится. Культивирование этих извращений, добывающееся по существу дезинформации Запада касательно истории русского коммунизма, само по себе уже может сослужить дурную службу идее сосуществования.

Это мое заявление не следует принимать, как выражение вотума недоверия Хрущеву и некоторым из его сотрудников, или как мое неверие в то, что они действительно стремятся к осуществлению принципов сосуществования, или как подозрение в том, что за этими предложениями скрываются какие-то тайные замыслы. Это не обязательно следует из предыдущего. Я хочу только отметить, что вожди в Москве едва ли смогут убедить внешний мир в их приверженности к идеям либерализма и терпимости в между-

народной жизни путем извращения истории ленинских и сталинских времен, или попыткой доказать, что эта их приверженность естественно вытекает из социальной и политической системы, господствующей в Советском Союзе. Вполне можно допустить, что советское отношение к этим проблемам изменилось; мы не можем, однако, согласиться с уверениями Хрущёва в том, что ему не было нужды меняться, чтобы придти в соответствие с требованиями принципа мирного сосуществования в той форме, в какой определил его сам Хрущёв.

III

Во всех советских заявлениях о мирном сосуществовании всегда много говорится о приверженности Запада к идеям капитализма и его желании добиться победы капитализма во всем мире.

Западный человек сегодняшнего дня испытывает всегда некоторое недоумение, когда термин «капитализм» употребляется в смысле советских заявлений. Что означает это выражение? Не трудно заметить, что как бы мы себе практически этот капитализм не представляли, в глазах русских коммунистов это нечто, нисколько не изменившееся со дней создания русской социал-демократической партии на пороге нынешнего столетия. Я не нашел нигде указания на то, что изменения в экономической практике и в социальной системе, происшедшие на Западе за последние десятилетия, каким либо образом повлияли на советскую трактовку классического марксистского взгляда на западный капитализм. Изучение современной советской идеологии приводит к заключению, что, с советской точки зрения, вне орбиты коммунистического влияния существует состояние статичности, выражающееся в практике того, что называется «капитализмом», то-есть частной собственности на средства производства, и что не претерпело никаких изменений за последние пятьдесят лет или даже вообще со дней Маркса. Вера в такой «капитализм» является отличии-

тельной чертой всякой не-коммунистической политической философии. Западные правительства и «правящие круги» гордятся этим и, будучи лично заинтересованы в сохранении капиталистической системы, защищают её всеми возможными способами. Я полагаю, что мистер Хрущев разумел именно такой «капитализм», когда он писал, что многие читатели «Фореин Афферс» верят, вероятно, в конечную победу этой системы.

Я не вижу особенной нужды подчеркивать здесь, как далеко отстает эта картина от реальности сегодняшнего дня, представляющей нам, живущим вне России. Принципы частной инициативы и частной собственности на средства производства действительно играют довольно значительную роль в экономической жизни не-коммунистических государств. Однако, едва ли удастся указать на какие либо две страны, где эти принципы играли бы одинаково важную роль. Всюду встретим элементы общественного контроля, ограничивающие и модифицирующие эти принципы. Создавшийся в результате этого взаимодействия баланс различен в различных странах. Вне коммунистической сферы влияния нет никакой единой социальной и экономической системы. Более того, в западном мире имеется столько же различных систем, сколько стран, и многие из них гораздо ближе к тому, что Маркс считал социализмом, чем к либеральному капитализму его времени. Кроме того, они, то-есть эти системы, в каждой стране находятся постоянно в состоянии развития и изменения, и потому по их состоянию сегодня никак нельзя предсказать, как именно будут они выглядеть завтра.

Это означает, что в не-коммунистическом мире, где принято добиваться максимально возможного соотношения между значением слова и отражающейся в нём жизненной реальностью, термин «капитализм» не обладает больше никакими практическими значениями. Он сохраняет права гражданства только в России, где нет возможности и необходимости проверять теоретическое утверждение очной ставкой с действительностью. Более того, на Западе имеется

множество социальных проблем, которые кажутся нам гораздо более важными, с точки зрения общечеловеческого благоденствия, чем проблема собственности на средства производства, которой бесконечно занят марксизм.

Какой же абсурд заключен, таким образом, в утверждении, будто западные не-коммунисты являются приверженцами чего-то, что называется «капитализмом», и будто в стремлении навязать этот капитализм людям, от него отворачивающимся, они готовы пойти даже на ужасы новой войны. Вопрос о том, кто владеет средствами производства, занимает сейчас очень мало места в мыслях и спорах западного общества и западных «правлящих кругов». На западе этот вопрос переносится в область вопросов о человеческой свободе, в область утверждения права каждого народа самому выбирать ту социальную и экономическую систему, которая ему по душе, в рамках этой системы выбирать тех, кто им управляет и, наконец, в рамках той же системы утверждать гражданские свободы, освобождающие его от страха перед несправедливостью и позволяющие ему практиковать свободу мысли, а, следовательно, и жить, так сказать, с поднятой головой.

Я прекрасно знаю, что коммунисты давно уже объявили, что не признают парламентарной и судебной системы либерального Запада. Классический коммунистический комментарий утверждает, что всё это было создано, как камуфляж несвободы, позволяющей монополистам угнетать незащитные рабочие массы. Не ожидаем ли мы слишком много, когда высказываем надежду, что коммунисты, в интересах мирного сосуществования, оставят свой экстремизм, в свете которого всё развитие британского и американского общества за последние столетия становится исторически неразумным?

Большинство англичан и американцев, думаю, вполне согласятся, что выработанные ими демократические учреждения не совершенны, но большинство из нас считают, что в них заключено нечто чрезвычайно важное, — и нечто такое, что можно счесть за самое драгоценное достижение

цивилизованных народов. Мы лояльны как раз к этому, а вовсе не к учению о системе собственности на средства производства. Если, при сохранении уважения к этим учреждениям и к основным гражданским правам, система контроля над средствами производства будет радикально изменена (а это в значительной степени уже произошло), ни один из нас не воспримет это, как трагедию и не признает нас всех побежденными. Но если произойдет противоположное, то есть, если такое изменение придется купить ценой отказа от прав и привилегий, которые нам наша парламентарная система — пусть в несовершенной форме — представляет, тогда, и только тогда, мы признаем себя побежденными, только тогда мы согласимся с тем, что нечто весьма важное оказалось потерянным.

Поэтому мы категорически протестуем против попытки представить нас сторонниками «капитализма», ведущими борьбу против сторонников «социализма». И менее всего мы в Америке можем принять обвинение в том, что мы желаем будто бы кому-то навязать этот «капитализм». Некоторые европейские страны изменили радикально свою социальную и экономическую систему в течении последних десятилетий и, таким образом, далеко отошли от того, что существует в Соединенных Штатах. Они не могут при этом пожаловаться на какую-либо оппозицию или помеху со стороны США. Основная идеологическая борьба идет в наше время, с американской точки зрения, не между «капитализмом» и «социализмом», а между свободой и её противоположностью. Спор между Москвой и не-коммунистическим миром идет не о том, какая система более продуктивна, — это спор о том, что является наиболее важным в жизни людей.

IV

Тот факт, что такой идеологический спор существует, не означает, что мирное сосуществование, предложенное Хрущёвым, не может быть реализовано. В продолжительном существовании двух идеологически антагонистических систем нет ничего нового. Многие мирные отношения, цар-

ствующие сейчас вне коммунистической орбиты, развились из первобытных отношений радикального антагонизма. Например, между американским политическим порядком и царистской системой в России не было никакого сходства, а существовал скорее резкий идеологический антогонизм. Это не помешало двум этим силам жить бок-о-бок столетиями в одном и том же мире и ни разу не начинать враждебных действий друг против друга.

Я не сомневаюсь в том, что в западном мире есть отдельные индивидуумы, считающие постоянный антогонизм во взглядах, существующий между советским правительством и народами западного полушария, нестерпимым и не видящие иного выхода из положения, кроме войны. Если поискать, то можно найти даже открытые заявления в этом духе, которые в любой момент можно использовать в качестве цитат. Эти люди, однако, как согласится со мной большинство, являются исключением и не пользуются никаким влиянием. Общее мнение на Западе — и это относится как к правительствам, так и к отдельным индивидуумам — считает, что, хотя политическая система, господствующая сейчас в России, для нас неприемлема, её существование там не лежит на нашей ответственности; само по себе наличие этой системы не является причиной, почему бы мирное сосуществование не могло быть реализовано.

Холодная война ведётся не потому, — и это следует особо подчеркнуть, — что русский народ предпочитает социалистическую систему всякой другой. Если бы речь в данном случае шла только об идеологии и только об отношениях между Западом и Россией, то я не видел бы причины, мешающей реализации советского требования о «мирном сосуществовании».

Советский Союз является, однако, не только идеологическим феноменом. Он представляет из себя также и мощную физическую и военную силу. Даже если бы господствующая в Советском Союзе идеология не враждовала с концепцией, господствующей в остальном мире, поведение правительства этой страны и, тем более, попытка его расши-

рить свою власть на новые области, не могли бы не волновать весь мир.

Но ведь именно такого рода расширение власти мы и наблюдаем все последние годы. Что касается Европы, то там эта экспансия началась со вторжения советских армий в Восточную и Центральную Европу в 1945 году. В то время Запад не только не протестовал против этого вторжения, но, напротив, считал его чрезвычайно важным вкладом в борьбу против Гитлера. Но это вторжение имело такие последствия, которые мало кто на Западе мог предусмотреть в 1945 году, и которые отвечали пожеланиям еще меньшего числа людей, — последствием было распространение границ Советского Союза и его военной и политической власти до самого центра Европы.

Коммунисты пытаются навязать нам дискуссию о мирном сосуществовании в такой форме, которая совершенно игнорирует этот факт. Или, может быть, от нас требуется просто забыть о нём? Нам говорят, что «проблема состоит в том, чтобы ликвидировать последствия второй мировой войны», но вышеописанное положение вещей, очевидно, не является таким последствием и его не только не следует ликвидировать, о нём нельзя даже говорить?

Разве можно считать это требование реалистическим? Руководящее положение, занимаемое Советским Союзом в блоке коммунистических стран, не является тайной ни для кого. Сами коммунистические вожди признают его и действуют соответственным образом. Что именно следует и что не следует предпринимать западной стороне, чтобы изменить это положение, — вопрос особый, но требовать от нас, чтобы мы игнорировали то, что вполне признается самими коммунистами и что самым конкретным образом руководит их действиями, неразумно. Распространение русской политической и военной власти до сердца Европы следует признать за решительное изменение стратегического и политического равновесия в мире. Это изменение не было до сих пор не только одобрено западными руководителями — оно даже ни разу не обсуждалось с ними.

Для народов Запада важен не только вопрос о том, что такая перемена произошла; их беспокоит также и то, как именно это произошло и какими способами утверждают коммунисты свою власть над этими частями Европы. И тут нельзя не отметить, что произошло это вовсе не оттого, что большинство народов этих стран убедилось в том, что, как выражается мистер Хрущёв, «коммунизм является более справедливой системой». Мирное соревнование, предлагаемое нам сейчас коммунистами, и борьба за человеческое сознание, имеют в высшей степени мало общего с теми методами, которые были употреблены коммунистами при завоевании этих народов. С точки зрения Запада, выработанной на основе исторического опыта, «социалистическая система» была навязана этим народам ловким коммунистическим меньшинством, подготовленным и вдохновленным Москвой и поддержанным присутствием или близостью советских вооруженных сил. Удерживается у власти она при помощи тех же приемов.

Я не собираюсь разбирать здесь все эти события с моральной точки зрения. Не собираюсь я также оспаривать и то, что Россия имеет в Восточной Европе свои политические интересы, к которым западные державы должны относиться с уважением, хотя бы только из соображений политического реализма. Не могу я также отрицать, что настоящее положение вещей в этой части Европы не может быть изменено неожиданно, не нанеся при этом вреда советским интересам и не подвергнув опасности Советский Союз.

На Западе, однако, имеются люди, — и мистер Хрущёв знает это, — не потерявшие надежды найти путь примирения советских интересов в этой географической точке земного шара с западными интересами и с интересами местных народов. Они и сейчас ищут разумного и реального выхода из положения. Но все усилия этих людей не приведут ни к чему, если советское правительство, присвоив эти страны, скажет Западу: «Теперь начнем сосуществовать и всякая ваша попытка справиться о судьбе этих на-

родов и стран будет расцениваться как нарушение принципа сосуществования».

Я уже говорил выше о том, что советский сорт социализма в самой России беспокоит нас очень мало и не может мешать мирному сосуществованию. В конце концов, советский режим одинаков повсюду и почти во всех частях Советского Союза. Его происхождение не носило демократического характера в западном понимании этого слова, но оно вполне отражало реальность русской политической жизни того времени и потому носило русский характер. Не дело американцев вмешиваться в происходящее в России.

Но как только речь заходит о правительствах Восточной и Центральной Европы, положение становится гораздо более сложным. Большинство этих правительств не местного происхождения. Конечно, я разумею это в весьма относительном смысле, потому что, как бы ни был деспотичен режим, между ним и управляемым им народом всегда существует известная общность интересов. Но, с западной точки зрения, навязанные этим странам режимы являются результатом завоевания и покорения соответствующих народов. Тот факт, что это завоевание всегда производилось при помощи мер военного воздействия, ничего не может изменить в основной предпосылке. Невольно приходится задуматься над следующим вопросом: если всё это могло случиться с этими народами, то с каким числом и каких именно народов то же самое может произойти в будущем, и именно в рамках того мирного «сосуществования», которое нам предлагают?

Бесспорно одно (и события последних четырех десятилетий доказали нам это в чрезвычайно болезненной форме): завоевание малых народов великими государствами может в наше время производиться методами, ничего общего не имеющими с открытым военным и политическим вмешательством, то-есть с теми методами, которыми пользовался колониализм девятнадцатого столетия. В конце концов, мы вынуждены признать, что на свете существует такая наука, как наука о восстаниях, наука о захвате влас-

ти заговорщическим меньшинством, прибирающим к рукам центральные органы власти, контролирующим улицу и направляющим течение гражданских конфликтов в русло своих планов. Кто станет отрицать, что эта наука играла весьма значительную и даже основную роль в коммунистическом мышлении раннего периода? Революции не делаются на заказ, но сама коммунистическая доктрина раннего времени не соглашалась с тем, что они нормально вытекают из спонтанных ощущений и желаний массы и не поддаются контролю организованного политического «авангарда». Мы тоже не можем, не игнорируя исторический опыт, принять такое утверждение.

Мистер Хрущёв пытался создать впечатление, что всё это не является больше важной составной частью его мышления на сегодняшний день. Было бы неправильным автоматически утверждать, что это не так (он прав, говоря, что мы не должны видеть двойное дно в **каждом** чемодане). Но даже если это и верно по отношению к нему самому, то едва ли верно по отношению к его коллегам из Секретариата и Президиума коммунистической партии Советского Союза. Нет у нас также никаких оснований предполагать, что это верно и в отношении вождей главного союзника России на международной арене, — коммунистического Китая.

И снова мы должны тут подчеркнуть, что исторический опыт нельзя просто игнорировать. Если капиталистические страны, как утверждает мистер Хрущёв, должны многое пересмотреть в своём прошлом (он обвиняет нас в организации «бессмысленных крестовых походов против советской России»), то то же самое можно сказать и о советской России. В частности, должно пройти очень много времени, прежде чем внешне-политические методы Иосифа Сталина перестанут быть решающим фактором в сознании Запада. В этом отношении мы все, как и сам Хрущёв, ученики Сталина. От него мы научились, от него узнали, какую роль могут играть бессовестность, упорство поступать неправильно, требуя, чтобы мы всё это забыли немедленно. Мы

при всех обстоятельствах не можем забыть этого раньше, чем забудут русские и китайские союзники.

Все эти соображения имеют большое влияние на слова «мир» и «мирный», так часто употребляемые коммунистами в связи с проблемой сосуществования. Что они понимают под этими выражениями?

Слово «мир» не имеет никакого смысла, если оно не связано с определенным положением вещей. Наличие мира не определяется только отсутствием открытых военных действий. В этом смысле мы сегодня обладаем миром; больше того, в этом смысле «мир» наличествует в каждой тюрьме. «Мир» — это не абстракция. Ленин это прекрасно понимал. В 1915 году он писал: «Лозунг «мир» можно использовать и в случае наличия соответствующего положения вещей и в случае его отсутствия — в качестве меры борьбы, не для осуществления какого-либо частного мира, а в качестве призыва к миру вообще. Совершенно ясно, что в последнем случае мы имеем дело с лозунгом, который не только не носит социалистического характера, но и вообще лишен какого-либо смысла или значения».

Какое же содержание вкладывается в термин «мир», когда его употребляют коммунисты? И разве неразумно с нашей стороны спросить учеников Ленина, в каком именно смысле они употребляют понятие мир: мир в чьих интересах? на каких условиях? какой ценой?

Есть только один сорт мира, обеспечивающего безопасность народов — это мир на условиях подлинной национальной свободы. Есть и другой род мира, — мир, царствующий потому, что орудия принуждения слишком мощны, и потому, что те, против кого они употребляются, не в силах сделать вызов своим угнетателям.

Употреблять слово «мир» в абстрактном смысле — значит игнорировать тот факт, что в мире существуют возможности, позволяющие угнетать людей, поработать народы, и всё это без открытого применения вооруженной силы — в известных случаях достаточно угрозы применения насилия. Это значит также игнорировать тот факт, что

в известные периоды своей истории — как, например, в Венгрии в 1956 году — советская привязанность к «миру» не мешает советским вождям прибегать к прямому использованию своих вооруженных сил для изменения политической ситуации в соседней стране. Неужели коммунисты действительно полагают, что мы, находящиеся вне России, можем забыть об этих фактах, когда речь идет о «мирном» сосуществовании?

V

Коммунисты, говоря о сосуществовании, много времени и места уделяют разговорам о военных мерах, принимаемых западными государствами, в особенности же Соединенными Штатами Америки. Американскому правительству делается упрек, что оно содержит в различных частях земного шара военные базы; его упрекают в том, что оно не соглашается пойти на полный запрет атомного оружия и отказаться от атомных испытаний; обвиняют в отказе последовать примеру Советского Союза и сократить свои вооруженные силы; при этом говорится о том, что Советский Союз такое сокращение уже односторонне провёл, но не приводится никаких конкретных доказательств тому, что это заявление соответствует действительности. На Соединённые Штаты возлагается ответственность за вооружение Западной Германии и так далее. Всё это приводится в качестве доказательства непоследовательности американской политики, не желающей безусловно придерживаться принципов мирного сосуществования.

Я сам во многом не согласен с военной политикой западных держав. Эта политика, с моей точки зрения, страдает от известных извращений, отражающих неясное понимание тех проблем, с которыми нам приходится иметь дело. Эта политика зачастую базируется на учете советских намерений, и учет этот зачастую бывает слишком грубым и односторонним, покоящимся чаще на воспоминаниях прошлого, чем на реальном изучении настоящего. Иногда она диктует развитие одного какого либо вида оружия и вообще слиш-

ком полагается на военные меры, считая их панацеей от всех политических бед, как будто миру не грозит никакая опасность, кроме опасности военного вторжения. Было и так, что эта политика заставляла принимать меры оборонительного характера, которые, однако, противнику могли показаться подготовкой наступательных военных действий.

Всё это верно, но ни каждая из этих мер в отдельности, ни все они вместе не оправдывают той интерпретации, которая является официальной в Москве. Советские вожди или не могут или не хотят по-настоящему оценить размеры того шока, который пережило западное общественное мнение в результате использования ими, — для целей политического расширения своих границ и влияния, — своего военного превосходства в Восточной и Центральной Европе в период между 1945 и 1948 годами — тем, что советские вожди не последовали примеру западных держав и не разоружились а, наоборот, предприняли политическое наступление в Западной Европе в 1947 и 1948 годах, берлинскую блокаду и, в особенности, войну в Корее. Для людей Запада все эти действия показывали враждебность, в которой таилась угроза несколько не меньшая, чем угроза военного вторжения. Поскольку же всё это произошло немедленно после окончания второй мировой войны, то-есть когда нервы всё ещё были напряжены и умы ещё не освободились от видения только что завершившейся катастрофы, совершенно естественно, что народы Запада почувствовали, что им снова приходится бороться против опасности, несколько не меньшей, чем та, с которой им только что удалось справиться.

Понятно также, что эти народы, оказавшись лицом к лицу с этой угрозой, немедленно приняли все меры к тому, что бы воссоздать в рамках Западного союза те вооруженные силы, которые они демобилизовали после окончания войны. В истории Европы опасность, угрожающая какой либо нации, всегда ассоциировалась с движением армии и с переходом этой армией национальных границ. Поэтому не приходится удивляться, что народы континентальной Евро-

пы страдают от своеобразной «мании нашествия» и пытаются защититься военными мерами против опасности, носящей гораздо более утонченный характер, чем обычно военное вторжение.

Когда коммунисты начинают говорить о положении мира в военном отношении, мне кажется, что тут возможна дискуссия и даже известные компромиссы. Но все переделки и извращения, которыми так охотно занимаются в Москве, не имеют никакого смысла и не могут принести никакой пользы. Упрек в том, что после кровавой бойни 1939—1945 годов, на Западе ещё имеются серьёзные или влиятельные люди, желающие повторения подобного кровопролития, слишком бессмыслен, чтобы на нём останавливаться. В частности, заявление о том, что к числу этих людей принадлежит западно-германский канцлер Аденауэр, настолько абсурдно и настолько выдает скрывающиеся за ним злостные желания опорочить, что его бесконечное повторение Москвой может только разочаровать тех из нас, кто всё ещё не потерял надежды добиться соглашения.

Мистер Хрущёв вполне прав, когда утверждает, что гонка вооружений не вяжется с какой бы то ни было формой сосуществования. Тем не менее, улучшить это положение не удастся до тех пор, покамест Москва не откажется от взгляда, возлагающего вину за военную политику западных держав на западных финансистов и предпринимателей, ожидающих от новой войны больших прибылей. Основная предпосылка изменения этого положения заключается в том, что Москва должна понять, что послевоенное вооружение явилось естественной реакцией великих народов на ситуацию, которую Москва в значительной степени помогла создать.

VI

Другой составной частью требования, предъявляемого коммунистической стороной во имя мирного сосуществования, является то, что мистер Хрущёв называет «ростом ни-

чем не ограниченной международной торговли». Идеологические разногласия, говорит он, не должны препятствовать развитию торговли. Без такой торговли международная жизнь просто не может развиваться нормально.

С западной точки зрения, это требование кажется странным и не совсем понятным. Если бы торговые отношения между Советским Союзом и не-коммунистическими государствами были таковы, чтобы они были связаны с нормальными условиями, позволяющими представителям деловых кругов обеих сторон свободно путешествовать и селиться, где им захочется, и допускали бы широкий личный контакт, короче, если бы они позволяли завязывать личные и деловые связи хотя бы только в этой ограниченной области, — никто бы не стал тогда оспаривать, что между проблемой мирного сосуществования и проблемой международной торговли имеется прямая взаимозависимость. Но советское правительство, как известно, держит монополию иностранной торговли в своих руках, оно само заключает все сделки с иностранными государствами, запрещает представителям иностранных фирм проживать на советской территории и прилагает все усилия к тому, чтобы между этими представителями и советскими гражданами не создались отношения дружбы и взаимного доверия.

В таких условиях польза торговых отношений может быть лишь весьма ограниченной, а именно, — она может только способствовать росту экономики обоих партнеров. Что это действительно так, никто спорить не станет. Но мистер Хрущев сам отрицает, что такие отношения могут быть особо полезными для Советского Союза. «В нашем экономическом развитии, — пишет он, — мы полагаемся исключительно на внутренние возможности нашей страны, на её ресурсы и силы... Осуществление наших экономических планов не зависит от того, будем ли мы торговать с Западом, включая и Соединенные Штаты, или нет...»

Трудно предположить, что для США торговые отношения с СССР могут иметь большее значение, чем они имеют для СССР. Если не считать военных времен, торговля между

этими странами никогда не достигала значительных размеров, — как в царские, так и в советские периоды русской истории. Всё, что русские могут нам продать, никак не может эффективно отразиться на развитии американской экономики. То же самое можно сказать и о закупочных планах советских заграничных торговых организаций.

К этому следует еще добавить, что западные державы, вступая в торговые отношения с государством, обладающим монополиями в области внешней торговли, вынуждает учитывать не только возможную пользу, но и вероятную опасность такого шага. На советской стороне эта торговля контролируется правительством, преследующим не только экономические, но и политические цели. В результате западные державы не могут думать только о взаимной выгоде таких отношений, как это бывает всегда, когда речь идёт о торговых отношениях между странами с нормальной системой частной инициативы.

Эта опасность увеличивается в случае, когда речь идёт о правительстве, особо подчёркивающим, как мало оно зависит от такой торговли и как легко оно может без нее обойтись. Не-коммунистические страны вынуждены в таком случае считаться с тем, что многолетние торговые отношения и обязательства могут в один прекрасный день быть разорваны советской стороной по причинам, не имеющим ничего общего с экономическими соображениями. Такие вещи уже случались в прошлом. Но даже если бы этого прошлого и не было, кто бы нам гарантировал, что это не может случиться в будущем? Эта ненадежность, непосредственно связанная с отсутствием на советской стороне нормального двигателя международной торговли — соображений выгоды — не означает, конечно, что торговые отношения с Советским Союзом всегда непрочны и всегда нежелательны, но она налагает на них известные ограничения.

Можно легко понять, что Хрущёв делает особый упор на необходимость расширения международной торговли потому, что в прошлом (и особенно в советской истории) такое

расширение часто являлось прелюдией к улучшению отношений между двумя государствами. И всё же коммунистам едва ли удастся убедить американцев в таком особом значении торговой политики в данной ситуации. Американская традиция считает торговлю средством удовлетворения реальных экономических нужд, а не выразителем политических эмоций.

В последние годы официальная американская точка зрения на возможности торговли между Востоком и Западом обладала такими чертами, которые в союзных США странах, а также в некоторых американских кругах, воспринимались, как извращение американской традиции. Многим казалось, что эта точка зрения отражает страх перед тем, как может эта торговля отразиться на советских военных приготовлениях. Если пересмотр такой точки зрения кажется советским руководителям необходимым и важным, Вашингтон не должен просто отмахиваться от этого требования.

Но, даже в случае такого пересмотра, мы всё же остаемся лицом к лицу с тем фактом, что правительственная монополия на внешнюю торговлю создаёт условия, отличные от тех, к которым народы Запада привыкли. Это не исключает возможности торгового обмена, это даже не исключает возможности того, что американско-советская торговля намного увеличится против теперешних своих размеров. Но это всё-таки ставит известные границы, и эти границы настолько узки, что трудно себе представить, каким образом вообще проблема торговых отношений может серьезно влиять на проблему мирного сосуществования.

VII

Последнее соображение. И снова мы имеем дело с явлением, значение и ценность которого относительны, но, если эти относительные различия будут игнорироваться, нам никогда не удастся преодолеть те трудности, которые лежат

в основе напряжения в отношениях между коммунистическим и не-коммунистическим миром.

Речь идёт о том представлении о правде и истине, которое превалирует в Москве (не говоря уже о Пекине) и которое совершенно отлично от этого представления во всех остальных частях земного шара.

Мы уже привыкли слышать из уст не только обычной коммунистической пропаганды, но и крупных советских государственных деятелей, заявления настолько абсурдные или настолько противоречащие общеизвестным фактам, что даже от младенца нельзя было бы потребовать принять их на веру. Если мы серьезно отнесемся ко всему, что говорилось советской стороной, нам придется поверить, что Россия за последние сорок лет управлялась группой людей, настолько отличных от всех остальных смертных, существующих или когда либо существовавших на этой земле, что они за всё это время не совершили ни единой ошибки, ни разу не ошиблись в своих оценках, никогда не руководились никакими соображениями, кроме соображений о благе других. И всему этому мы должны поверить, несмотря на то, что отдельные члены этой группы всезнающих вождей вдруг становились в глазах своих коллег презренными преступниками и несли соответствующее наказание? В то же время от нас требуют, чтобы мы поверили, что Запад за эти годы — по совершенно невероятному совпадению — руководился исключительно злодеями — жадными капиталистами или пресмыкающимися слугами капитализма. Таких примеров можно привести бесконечное множество. Стоит только вспомнить извращения исторических фактов, без которых не обходится ни одно советское заявление во внешней политике: заявления, сделанные по поводу возникновения войны в Корее, происхождения политических трудностей в Юго-восточной Азии, советского вмешательства в Венгрии и т. д.

Весьма характерной и в то же время весьма важной в этом смысле кажется нам анти-американская кампания, проведенная в последние годы. Своего апогея эта кампания

достигла перед смертью Сталина, но не прекратилась она, к сожалению, и после этого события. Широкое общественное мнение Запада плохо осведомлено о тех извращениях картины Соединенных Штатов, которые преподносились советской общественности и в первую очередь советской интеллигенции за последние десять лет теми, кто контролирует информационные органы коммунистической партии Советского Союза. По сей день в Советском Союзе продолжает жить образ Америки, в котором даже американские критики собственной системы не узнают своей страны, — образ, в котором подлинные недостатки американской жизни отразились так же мало, как и ее достоинства.

Пропаганда. — пропаганда и есть, но даже и пропаганда, как всё в жизни, должна иметь свои границы. К какому заключению должны мы придти, ознакомившись с фантастическим образом Америки? Должны ли придти к убеждению, что советские вожди действительно верят правдивости этого образа? Или мы должны сказать прямо, что они знают, насколько мало отвечает он действительности, но продолжают пропагандировать его, навязывая своим гражданам? И тот и другой ответ ставят под вопрос возможность мирного сосуществования.

Боюсь, что для Запада несостоятельна вера в то, что стоит добиться разрядки напряжения и договориться о сокращении военных приготовлений, как эта струя сознательных извращений засохнет сама по себе. В американской цивилизации многое ещё следует исправить, но в ней нет ничего, что нужно было бы прятать. Американцы мало заинтересованы в том, чтобы иностранцы искусственно воздерживались от критики их образа жизни, но они заинтересованы в том, чтобы эта критика не носила характера клеветы. Пусть критика будет скептической, но честной.

Но разве можно, обсуждая проблему мирного сосуществования, игнорировать советское отношение к объективной реальности, притом отношение, отличающее не только профессиональных пропагандистов, но и всю коммунистическую партию Советского Союза в целом, и тех её вождей, которые эту партию вдохновляют? Мы не знаем и никогда

не будем знать, в какой мере мы можем довериться людям, которые сознательно обманывают себя или других. Мы требуем только, чтобы советские вожди отказались, наконец, от этого византийского догматизма в политическом мышлении, который мог быть оправдан в первый пореволюционный период, когда партия вынуждена была бороться за свою власть внутри России, но который никак не идет к лицу великому правительству, которое требует признания, как серьезная и ответственная сила в международных делах. Разве это так много? Едва ли абсурдные извращения в состоянии кого-либо сегодня убедить. Зато для многих людей в не-коммунистическом мире повторные доказательства безответственности по отношению к объективной правде являются свидетельством того, что мирное и продолжительное сосуществование между коммунистическим и не-коммунистическим миром невозможно. Какова цена отдельных, специфических соглашений, спрашивают эти люди, когда основные верования и предпосылки так groteskно различны? Если советские вожди действительно верят, что мы так плохи, как они нас рисуют своему народу, то как могут они тогда серьезно верить в возможность мирного сосуществования с нами? Если же они, рисуя эту картину, только сознательно обманывают собственное население, то как можно требовать от нас, чтобы мы им доверяли?

Мы не требуем от Москвы не критического принятия нашей точки зрения. Нам хотелось бы, однако, видеть в заявлениях советских вождей и в пропагандном материале, изготовляемом под их контролем и руководством, хотя бы желание примирить рисуемую ими картину положения вещей в мире с той объективной реальностью, которую они, как и мы, могут наблюдать ежедневно. До тех пор, покамест вожди коммунистической партии Советского Союза не откажутся от убеждения, что правда это то, что выгодно для партии, вне зависимости от того, насколько эта извращенная «правда» далека от реальности, до тех пор, пока они не откажутся от мнения, что объективная правда вооб-

ще не существует и, следовательно, для них нет никакой нужды её искать и уважать, до тех пор, пока всё это не произойдёт, — до тех пор даже те люди на Западе, которые искренне стоят за ту форму мирного сосуществования, которую предлагает нам Хрущёв, вынуждены будут ограничивать свои ожидания и надежды. Путь к мирному сосуществованию ведет — в этом нельзя не признаться — через много различных ворот, но на этом пути мы хотим, чтобы русские коммунисты отказались от абсурдной веры в то, что их партия всегда идеально умеет оценивать обстановку и никогда не совершает ни единой ошибки.

VIII

Если Москва действительно искренна в своём желании осуществить мирное сосуществование и готова пойти для этого на пересмотр всех тех взглядов и действий, которые привели к холодной войне или из неё вытекли, на свете найдется много людей, готовых выступить на поддержку этого предложения и даже принести известные жертвы, потому что опасность, грозящая миру, сознается не только в России. Но если Москва попрежнему настаивает на том, что в таком пересмотре нуждается только западная сторона, то эти люди едва ли сумеют сделать что-либо, чтобы сдвинуть проблему мирного сосуществования с той точки, на которой она пребывает сейчас.

Мы, все мы, должны, отказавшись от претензий на монопольное обладание истиной, признавать себя ответственными за тот сложный исторический процесс, который привёл мир к нынешнему его катастрофическому состоянию. И все мы должны, отказавшись от споров о том, чья вина больше, заняться, наконец, самым серьезнейшим образом ликвидацией основных и самых нестерпимых элементов нынешнего положения вещей, чреватого грозными опасностями.

„Foreign Affairs“ Vol. 38 № 2—1960. Перевод А. Кашина.

О МИРНОМ СОСУЩЕСТВОВАНИИ

(Мысли русского эмигранта)

ФЕДОР ЛЕБЕДЕВ

В новой «Истории Коммунистической Партии Советского Союза» на странице 673-ей говорится о декларации, принятой на московском совещании коммунистических и рабочих партий в 1957 году, в связи с сорокалетием октябрьского переворота в России. Как известно, на этом совещании присутствовали коммунистические представители из более чем шестидесяти стран мира. В декларации, конечно, сказано о «пролетарском интернационализме», о «международной солидарности коммунистических и рабочих партий»... в борьбе за социализм в интерпретации его ЦК КПСС. Как же представляют себе авторы декларации, — то-есть опять таки ЦК КПСС — «борьбу за социализм»? Очень просто: в «пролетарской революции в той или иной форме и в установлении диктатуры пролетариата в той или иной форме...»

Пролетарский интернационализм, международная солидарность, пролетарская революция, диктатура пролетариата — разве это не содержание правоверного марксо-ленинского лозунга о всемирной социальной революции...

И еще... Припомним, как в свое время в специальной комиссии Организации Объединенных Наций по определению агрессии советский представитель протестовал против подведения под понятие агрессии всего, что московский штаб интернационального коммунизма делает для подготовки и проведения переворота в разных странах мира, протестовал против подведения под понятие агрессии вооруженной «помощи» «восставшим и борющимся за свободу» народам... Советский представитель требовал запретить

противодействие со стороны ООН подрывной пропаганде и революционным переворотам, запретить противодействие вооруженному свержению существующих правительств... Исходным пунктом для подобных требований служит опять таки правоверное марксо-ленинское положение о «справедливых, освободительных» войнах...

Сопоставим и объединим все сказанное — и не ясно ли, куда и к чему совсем открыто ведет мир олицетворяющая интернациональный коммунизм диктатура, царящая в нашей стране. Таково предлагаемое советским правительством «мирное сосуществование».

Об отмене отмеченных нами основ коммунистической доктрины, даже хотя бы о лицемерном и обманном отказе от них, мы ничего не слышим. И если Хрущев, ради укрепления своего положения внутри страны, вынужден был пойти на «ревизию» многих ортодоксальных положений марксизма-ленинизма, то в упомянутой сфере он в ревизионизме никак не повинен. Его «мирные» заявления скользят мимо, как он думает забытых законов коммунизма. Значит, все остается попрежнему.

Как же после всего этого можно верить, что коммунистическая партия и советское государство проводят в жизнь в отношении других стран взаимное уважение национального суверенитета и территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела, отказ от войны, мирное сосуществование... Но есть, кто верит. И в этом трагедия нашего сегодня. Не понимать или закрывать глаза на то, что «мирная» политика Хрущева — ловушка для мира, это значит — толкать мир в ловушку. Мы уверены, однако, в том, что понимающих и глаз на действительное положение не закрывающих в свободном мире решающее большинство. От него зависит выход из того тупика, куда мир зашел, и дальше в который толкает его Хрущев.

Речеобильный Хрущев склоняет «мирное сосуществование» с утра до вечера, если находит слушателей; ему вторят, хотя с меньшим усердием, все руководители партии и правительства — но почему? Потому, что коммунистической диктатуре, и Хрущеву лично, нужно обеспечить внешние достижения советского правительства. Потому, что коммунистическая диктатура и Хрущев сегодня правильно учитывают большую эффективность «мирной» политики,

чем политики угроз. К тому же, грозя в случае чего уничтожить при помощи «абсолютного» оружия все и вся, диктатура сама боится войны и предпочитает действовать при помощи «смягчения напряженности» — до поры до времени.

Смешно слушать «категорическое» опровержение самим Хрущевым расшифровки его планов, как временного тактического шага. Он призывает к укреплению мирного сосуществования, ссылается на Ленина, как отца этого пресловутого мирного сосуществования различных политических и экономических систем. И понимать это надо так, что раз такую политику благословил Ленин — то и стоять ей непоколебимо в веках, пока коммунизм мирно и благостно не распространится в мире сам по себе...

Сделаем маленький исторический экскурс. Начало политики мирного сосуществования советская пропаганда относит к 1921-22 годам, забывая о таких «пустяках», как, например, нападение на Финляндию в 1939 году и захват трех прибалтийских государств в 1940 году. Но оглянемся и на 1921-22 годы и посмотрим, как устанавливал Ленин политику мирного сосуществования.

Таких слов тогда не было. И не могло быть, так как ставка открыто делалась на мировую революцию, на насильственное свержение «буржуазного строя» в капиталистических государствах — и разве забыты венгерская, германская, эстонская «пробы»... И уже никак не для мирного сосуществования с капиталистическими странами в 1919 году в Москве, по инициативе Ленина, был созван конгресс коммунистических партий и создан Коминтерн — Третий Коммунистический Интернационал. Вот в чем проявилась действительная политика Ленина, вот чего он был действительно отцом... Роль Коминтерна, как руководимого Политбюро ЦК ВКП(б) штаба мировой подрывной работы, достаточно известна.

Что же дает возможность коммунистической пропаганде утверждать, что политика мирного сосуществования начата Лениным? Только то, что Ленин, не дождавшись мировой революции, был вынужден, хотел он того или нет, к сосуществованию с «буржуазными» странами, как вынужден был пойти во внутренней политике на НЭП — для самосохранения. Надо однако определенно подчеркнуть, что сосуще-

ствование во всех «трудах» Ленина расценивается только как временное.

Существование началось с заключения в 1920 году первых мирных договоров РСФСР с Эстонией, Латвией, Литвой и Финляндией, а первые его успехи пали на 1921 год — заключение торгового договора с Англией, и особенно 1922 год — участие советских представителей в работах Генуэзской конференции и заключение с Германией Рапалльского договора. Однако, вовсе не политика мирного сосуществования руководила советским правительством, руководила им «осознанная необходимость». Так Красин с 1920 года действовал в Англии, стремясь соблазном торговли добиться снятия блокады советского государства. К этому времени и относится «изречение» Ленина, что англичане будут торговать — и продадут даже веревку, зная, что на ней их повесят.

А Чичерин в Генуе подвел, так сказать, теоретическое обоснование под налаживавшееся сосуществование, заявив, что «советское правительство, оставаясь на точке зрения принципов коммунизма, признает экономическое сотрудничество между двумя системами — капиталистической и социалистической — необходимым для всеобщего экономического восстановления...»

Итак, — только экономическое сотрудничество для экономического восстановления. Это было для советского правительства тогда жизненно необходимо — отсюда и предложение иностранным капиталистам богатейших концессий. Чем это кончилось — известно.

Пресловутое «мирное сосуществование капиталистических и социалистических государств», которое советским правительством и коммунистической пропагандой преподносится миру с газетных страниц и из дипломатических нот, с трибун конгрессов и конференций, давно уже является самым эффективным средством соблазна слабых и легковерных людей и деятелей демократических стран. Как следствие «сосуществования», по коммунистической концепции, между странами с разной государственной и экономической системой должно развиваться «мирное соревнование на основе равноправия и учета взаимных интересов».

Так ловят в свои сети слабых и легковерных — и как будто никому не придет на мысль раскрыть и опорочить

фигию «мирного соревнования» — хотя бы тем, что сама коммунистическая пропаганда находит область, к которой принцип «мирного сосуществования» совершенно неприменим («Новое время» № 4, 1959 г.)... Это — область идеологии, то есть иначе — пропаганды. Значит, принимая принцип «сосуществования», западные страны должны заранее учитывать и принимать, что они становятся объектом открытой коммунистической пропаганды. Как это вяжется с требованием советского правительства о прекращении «холодной войны» — неизвестно.

Вывод может быть только один: коммунистическая диктатура изо всех сил печется о прекращении «холодной войны», о «мирном сосуществовании» с «капиталистическим миром» — и для этого ей нужно совещание «на самом высшем уровне» — только затем, чтобы морально демобилизованный и разоруженный свободный мир стал легкой добычей ее экспансии.

Ответственные круги на Западе не строят себе на этот счет иллюзий. Находясь сейчас фактически в стадии сосуществования двух друг друга исключаящих систем, они не принимают самого принципа «мирного сосуществования». Эти круги знают, что в основе «ленинской внешней политики» Советского Союза лежит вовсе не «мирное сосуществование», а — стремление к распространению режима коммунистической диктатуры на весь мир. Коммунизм — это идеология и режим тотальные не только по содержанию, но и по территориальному охвату.

Усмешки советской пропаганды по поводу «экспорта революции» — неискренние усмешки: кто же из современников не являлся свидетелем попыток экспорта коммунистической революции из СССР во все страны мира... Для чего же в Москве был создан Коминтерн... Автору, например, пришлось наблюдать даже и не попытки уже, а прямо экспорт «революции» в Прибалтику — казалось, огражденную от вмешательства в ее дела договорами о ненападении с Советским Союзом. И все-таки разговор о «сосуществовании» продолжается... И все-таки Хрущев осмеливается говорить: «Советский Союз никому не хочет навязывать избранного им пути»...

Как же смотрим на вещи мы — российская политическая эмиграция? Мы считаем, что исходящие от Советского Союза призывы к «мирному сосуществованию» — это только конъюнктурные или тактические шаги советской дипломатии. Мы утверждаем, что лозунг мирного сосуществования в коммунистической терминологии всегда имел и имеет лишь тактическое значение.

Мы говорим: термин «мирное сосуществование» означает условие, при котором коммунисты и некоммунисты живут временно бок о бок, предпочтительно без физической войны, в условиях более или менее продолжительного периода соперничества, пока в один прекрасный день коммунизм не предпримет попытки захватить власть во всех странах — с помощью силы или как-нибудь иначе... Идея такого «мирного сосуществования» по существу означает примерно то же самое, что и «холодная война».

А как смотрит рядовой, средний человек? Он чуть ли не каждый день читает и слышит, подкрепляемые лунниками и ракетами, слова Хрущева: «Дела у нас идут хорошо...» Запад же в это время бывает занят... отыскиванием общего языка с диктатурой. Вспомним сравнительно недавнюю, наделавшую шума, речь американского государственного секретаря Гертера на обеде Национального Совета внешней торговли, в которой он сказал:

«...Наша главная задача — в настоящий момент, в близком и отдаленном будущем — найти общий язык с Советским Союзом, выработать общие правила поведения и для него и для нас, так, чтобы не позволить соревнованию между нами вылиться в кровавый конфликт...»

Тут же государственный секретарь предупреждает, что Советский Союз «вовсе не отказался от намерения подчинить своему диктату весь свободный мир...» Правильно. Но как же в этом случае искать с Советским Союзом общий язык? Мудреное дело...

И дальше. Христиан Гертер говорит:

«...Хрущев никогда не скрывал, да и сейчас не скрывает, что его основной целью является водворение коммунизма во всем мире...»

Что же должны делать Соединенные Штаты?

«... Нам придется приспособиться к новому порядку вещей, выработать определенные правила, которыми мы могли бы руководствоваться в состязании с Советским Союзом, в борьбе против его агрессивной конкуренции...»

Итак, возглавляющие свободный мир Соединенные Штаты, по рецепту Гертера, должны на агрессивную политику Хрущева и его стремление подчинить весь мир коммунистической диктатуре отвечать... выработкой правил поведения... В таком политическом аспекте становятся понятны и бахвальство Хрущева («Дела у нас идут хорошо»), и недоумение рядового, среднего человека.

Однако, не так страшен черт, как его малюют. Черт страшен только в том случае, если к нему относиться некритически, — а так относиться отнюдь не следует. Речь Гертера — это вольный экскурс в область несколько наивной фантазии: допущение такого положения, что советское правительство поняло самоубийственность своей агрессивной политики и от нее отказывается, хотя цели и остаются прежними... Увы! Агрессивная сущность коммунистической диктатуры — это основа основ ее существования, и именно отказ от агрессии — как вне, так и внутри страны (разве читатель не замечает внутренней агрессии...) — был бы самоубийством для диктатуры. Продолжение агрессивной политики — это *raison d'être* коммунистической диктатуры, это смысл ее существования.

Было бы крайне наивно и неумно думать, что агрессия всегда выражается в формах открытых и, так сказать, брутальных — это давно пройденный этап; ныне агрессия является в формах обольщающе-обманных. Такой формой агрессии со стороны мирового коммунизма, по всей истине, сегодня следует считать и то «мирное сосуществование», которое последовательно и настойчиво пропагандирует и утверждает советское правительство. До конца разоблачить и смело отбросить это самое хрущевское «сосуществование», как форму сожительства народов, ведущую к порабощению свободы агрессивной диктатурой, пока что не оказывалось возможным почти ни одному ответственному политическому и государственному деятелю свободного мира... Конечно, нет же и не может быть и веры в честность намерений диктатуры, но почему-то категорически отмет-

нуть ложь и лицемерие до последнего времени мужества не хватало.

Переговоры... Сегодня это слово — модное слово в политике. Никогда, кажется, не было столько переговоров, как последние годы. Для одних это — якобы принципиальная установка в отношениях между государствами: нет таких вопросов, которые нельзя было бы разрешить путем переговоров. Для других — это пробный камень в отношении выяснения наличия доброй воли у партнера, оправдывающий свою позицию и долженствующий дать свободу действий в случае неудачи переговоров. Но — ни то, ни другое не проявляется в жизни: ни вопросы не разрешаются, ни свобода действий не проявляется — поскольку это касается свободного мира.

Мы принадлежим к тем людям и к тем политическим силам, для которых проблемы переговоров с вождями коммунистической диктатуры не существует. Мы знаем, что, в чем убедиться было достаточно случаев, такие переговоры ничего положительного в смысле упрочения мира дать не могут. Довлеют над нами и морально-политические соображения. Однако, из этого никак не следует, что напряжение в мире следует довести до взрыва... Одна сторона дела — принципиальная, другая — практическая. Ответственность за судьбы человечества — в наш атомный век принявшая необъемлемо огромные размеры — заставляет лидеров западного мира проявлять терпение и идти на переговоры с органически враждебной ему системой, ища путей к выходу. Принципы в политике, как и в жизни, должны приводить к вытекающим из них действиям только сообразно логике реальной действительности и смыслу событий, иначе «принципиальность» перерождается в свою противоположность — в слепое упрямство.

Отсюда — неизбежность переговоров при уверенности в их безрезультатности.

Переговоры притягивают и затягивают, хотя от них почти ничего не ждут. По выражению советской пропаганды, в результате встречи Эйзенхауэр—Хрущев в Кэмп Дэвид, размороженная дипломатия, то есть переговоры без конца, характеризует своей активностью сегодняшний день.

Пусть так. Но, по выражению Бисмарка, дипломатия — жидкий элемент, ее можно заморозить... И может ли быть

иначе, когда делая вид, что стремится к размораживанию, советское правительство по сути делает все, чтобы добиться противоположных результатов. Советское правительство, «в интересах прекращения холодной войны и разрядки международной напряженности», готово на переговоры (особенно «на вершине») в любом месте и в любое время... Разве это не доказывает «доброй воли» советского правительства?! Но, вместе с тем, советское правительство определенно заявляет, что его точки зрения, например, по германскому и берлинскому вопросам, остаются и останутся неизменными. К чему же тогда переговоры? Свободному миру остается или без переговоров принять советские условия, или от переговоров отказаться.

Понятие «переговоры» предусматривает возможность сговора путем взаимных уступок, но не неизбежность позиций. А так — странное предложение переговоров! Согласие на такие «переговоры» неизменно ведет к потере лица, к потере престижа и выигрывает в них только та сторона, которая не «переговаривается», а при всех условиях стоит на своем.

Так мы подходим к еще одной форме советской агрессии — вовлечение свободного мира якобы в переговоры и дискредитация его в результате демагогических и пропагандных выступлений. Психологическая и политико-психологическая обстановка в мире такова, что от переговоров — даже зная, что они ничего не дадут — отказаться сейчас невозможно... И этим пользуется коммунистическая диктатура. И на это — думаем, до поры до времени — идет свободный мир, стараясь не давать противнику возможности обвинить его в нежелании смягчения напряженности: мол, переговоры покажут его, свободного мира, правоту и тогда диктатура «будет бита».

Мы приводим те оттенки международной политики, которые могут быть приняты как порочные и вредные для мира свободы и демократии. Хотим мы или не хотим, они есть. И отсюда часто делают вывод, что свободный мир, действительно, готов ввести свою политику в рамки «мирного сосуществования». Поездки Хрущева в США и во Францию считают в этом отношении показательными для изменения политики Запада. «Дух Кэмп Дэвида», произвольно трактовавшийся коммунистической пропагандой, как

кладущий начало новому порядку вещей в «отепленной» международной обстановке, также вносил свою долю в процесс размагничивания демократии.

Нарастание международной напряженности, как следствие перманентной агрессивности коммунистического лагеря, парадоксально вызвало в «общественном мнении» не общее активное восстание против причины напряженности, а нарастание требований в пользу договоренности обоих лагерей. Пропаганда «мирного сосуществования государств с различными государственными и экономическими системами» и боязнь атомной войны — вот те причины, которые привели к неизбежности «встреч» и переговоров между двумя лагерями.

Понятие «сосуществование», с нашей точки зрения, совершенно недостаточно и отрицательно. Сосуществование означает, что мир должен быть разделен на два враждебных лагеря, между которыми стоит стена ненависти и боязни. В наше время нам нужны не два лагеря, а единый мир, в котором различные народы выбирают экономические и политические системы по своему желанию, в котором существуют свободные связи между всеми народами, проживающими на земле...

Но это — отрицание концепции коммунистической диктатуры. И наивно было бы думать, что Хрущев принимает программу единого мира.

Статья Хрущева в американском журнале «Форин афферс», в которой он высказал свои взгляды относительно «мирного сосуществования государств с различными общественными системами», ничего нового не дает. Хрущев повторил давно известные «истины», что коммунистическая система победит в мирном соревновании и никогда вожди коммунизма и советское правительство не помышляли и не помышляют о войне, как средстве расширения рамок своей системы путем насильственного свержения капиталистической системы.

С упорством и постоянством, заслуживающими признания и лучшего употребления, коммунистическая пропаганда изо дня в день годами преподносит миру эту сознатель-

ную ложь — в расчете на что? В расчете на своеобразное восприятие человеком любой пропаганды, если она обволакивает его всего и всегда. Противостояние систематической пропаганде, неустанно ведущей одну и ту же линию, пропаганде «убежденной» — вовсе не такое легкое дело, как иногда кажется. Не напрасно называют Хрущева «великим пропагандистом»: он знает секрет претворения лжи в «истину» на предмет если не завоевания доверия к себе, то на предмет вселения сомнений и колебаний в среду инакомыслящих. И это — уже его успех.

Тезис о победе коммунизма над капитализмом (берем советскую терминологию) путем мирного соревнования, а не в войне — обнаруживает свою искусственность сразу, как только мы займемся анализом соответствующих положений «классиков марксизма-ленинизма». Так, давая классификацию войн, советский катехизис вводит понятие войн «справедливых» — и одной из целей таких войн определяет «освобождение народа от рабства капитализма» (мы цитируем по советскому философскому словарю).

Где же здесь мирное сосуществование?

В статье главы КПСС имеется еще интересное и важное высказывание. Хрущев с силой подчеркивает, что «мирное сосуществование» и «мирное соревнование» вовсе не означают мира вообще: коммунистический лагерь попрежнему будет вести всеми силами «идеологическое наступление» на свободный мир...

Итак: прокламируя «мирное сосуществование», коммунизм одновременно прокламирует «холодную войну»... Ибо что же иное, как не разновидность холодной войны, эта «идеологическая война», которую Хрущев желает усилить, чтобы скорее «похоронить» капитализм... «Идеологическая война» в понимании коммунистической диктатуры — это прежде всего необузданная и тотальная коммунистическая пропаганда в странах свободного мира, это поддержка всех и всяких компартий, это проведение всяческих подрывных мероприятий в международном масштабе — начиная от «невинных» фестивалей и кончая менее «невинными» союзами советских граждан, организуемыми в ряде стран. И так далее.

Можно ли будет говорить о мирном сосуществовании и об окончании холодной войны, если даже между двумя ла-

герями окажется достигнутым какое-то соглашение, когда Хрущев не намерен прекращать «идеологической войны»? Это — нонсенс.

Так, при самом беглом и элементарном анализе, рушатся хрущевские построения пресловутого сосуществования.

*

Постоянство в непримиримости к диктатуре и агрессии — одно из качеств свободного мира демократии. Если он когда-то это качество теряет — он теряет право на существование, как таковой, а вместе теряет и самую возможность существования в своих идеалах и принципах. Он может быть пассивным, может быть уступчивым, но непримиримым не может не оставаться.

Есть одна характерная черта в нынешних взаимоотношениях, как очень условно говорят, Востока и Запада. Запад сосуществует с Востоком, но это — не мирное сосуществование, а сосуществование в условиях «холодной войны», начатой советским правительством, можно считать, в 1946 году. Советское правительство хочет теперь перевести сосуществование на мирное — так как вести холодную войну ему в нынешних условиях трудно и даже (внутренне) опасно, — хочет на неопределенное время в отношениях с Западом утвердить статус кво. На Западе, под влиянием обывателя, коммерсанта и «прогрессивных» крутов, настойчивое стремление советского правительства нередко встречает благожелательный отклик. Отсюда и оживленные волажи в обе стороны, и «культурный обмен», и сама «вершина» — совещание Эйзенхауэра, Макмиллана, де Голля и Хрущева.

Однако, ни в каком случае не может идти речь о сосуществовании свободы с диктатурой, демократии с коммунизмом. Нет. Сосуществование стран, государств — и СССР, как государства только — это одно. О сосуществовании же с коммунистическим режимом, с диктатурой партии, с коммунистической социальной и хозяйственной системой, с ЦК КПСС — не только не может быть речи, но, наоборот: борьба с ними в плане идеологическом должна и имеет тенденцию усиливаться и развиваться. Для себя это, как мы видели, оправдывает и Хрущев. Если в ряде случаев нельзя сегодня говорить об антисоветской политике Запада, то об антикоммунистической можно уверенно говорить всегда.

В этой обстановке, которую мы назвали бы новой фазой холодной войны, мы говорим: время работает на нас. Иными словами: падение коммунистической диктатуры предрешиено... Поэтому то так настойчиво и выдвигается диктатурой призыв к сосуществованию. При стойкости свободного мира это предрешиено теми процессами, которые развиваются внутри диктатуры. Диктатура потеряла идею, потеряла внутренний огонь, идеологически обанкротилась. И при всей ее внешней агрессивности и технических достижениях — духовно она пуста. И на духовной и идейной пустоте обанкротившейся диктатуры зреют и растут новые, а вернее вечные, духовные и идейные ценности — прямо противоположные утверждениям коммунистического катехизиса. Процесс медленный, но постоянный — и в нем растут те силы, которые в конце концов спасут мир.

Российская политическая эмиграция со дня своего возникновения до последнего времени в свою очередь ведет идеологическую «войну» против коммунистической диктатуры. Она ведет эту «войну» и против власти — во имя освобождения родины, и против коммунизма, как системы, как идеологии — во имя всечеловеческих ценностей свободы, морали, достоинства каждой человеческой личности. Однако, первое («война» против власти) после окончания борьбы с оружием в руках стало как бы производным от второго — «войны» во имя всечеловеческих ценностей. Отсюда и организации российской политической эмиграции — антикоммунистические организации, а не просто антисоветские.

И при любой стадии течения холодной войны, даже при «замирении», роль антикоммунистической эмиграции в объявленной Хрущевым «идеологической войне» не может не быть весьма значительной и ответственной. Российская политическая эмиграция идеологическую борьбу и ведет — ведет открыто и честно, — и не прекратит.

*

Бывший посол США в Советском Союзе Джордж Кеннан опубликовал в журнале «Форин афферс» статью — «Мирное сосуществование; мнение Запада».

Статья — как бы двухплановая: наряду с мыслями, к которым мы полностью присоединяемся, в ней заключены утверждения, с которыми мы примириться не можем.

Мы соглашаемся с Джорджем Кеннаном, когда он скептически относится к искренности советского «миролюбия» или когда он ставит условия, которые необходимо выполнить обеим сторонам для устранения многих наслоений «холодной войны». Но... но мы идем дальше, гораздо дальше: мы не то что скептически относимся к заклинаниям коммунистической диктатуры о мирном сосуществовании, мы просто и прямо не верим в чистоту советских предложений — и не поверим.

Мы говорим: «миролюбие» ЦК КПСС и советского правительства объясняется исключительно временем и конъюнктурными причинами. Настойчивость же в рекламе «мирного сосуществования» показывает только, что создавшаяся конъюнктура (внутренняя...) требует от советских руководителей скорейшего и ощутимого успеха в сфере международных отношений.

Все это ясно — и зачем же идти навстречу противнику, который устами Хрущева открыто заявил, что «мы вас похороним...»

Кеннан пишет: «Если Москва искренна в стремлении к мирному сосуществованию и если для достижения этой цели она готова подумать об общем пересмотре на обеих сторонах позиций и практики, породивших это опасное состояние мировых дел, известное как холодная война, или порожденных им, то в таком случае в странах, находящихся за пределами коммунистической орбиты, не будет недостатка в людях, готовых содействовать этому процессу... Но, если в Москве думают, что все изменения должны быть произведены на западной стороне, то по эту сторону линии мало что может быть сделано полезного для продвижения дела сосуществования дальше того неопределенного положения, в котором оно находится сейчас*»).

Теоретически со всем этим можно согласиться: государства с различными экономическими и политическими системами могут жить в мире и сотрудничестве, если с обеих сторон осуществляются взаимный учет интересов и взаим-

*) Все цитаты из статьи Кеннана — по советскому переводу.

ные уступки. Но . . . опять таки «но»: это действительно для государств, если можно так сказать, нормальных, к числу которых Советский Союз отнесен быть не может и себя не относит. Советский Союз — это же диктатура КПСС с одной стороны, и потенциальный агрессор против всех и вся — с другой. Так черным по белому значится и, например, на страницах Большой Советской Энциклопедии, где сказано, что:

«коммунистическая партия вырабатывает внутреннюю и внешнюю политику советского государства»,

и что она, партия:

«завоевала почетное звание ударной бригады мирового революционного движения . . .»

Нам думается, что комментарии по поводу практических целей и дел КПСС, как «ударной бригады» — излишни. Это и есть то, что утверждаем мы:

раз политику Советского Союза определяет коммунистическая партия, а сама она является ударной бригадой, то есть активной боевой силой мировой революции, то как же иначе, как не походом диктатуры ЦК КПСС на захват мирового владычества можно назвать всю внешнюю политику советского правительства . . .

Так оно в действительности и наблюдается. При этом следует отметить, что БСЭ мы цитировали по отдельному выпуску пятидесятого тома, вышедшему в свет в 1958 году — то есть уже в «сосуществовательскую эру».

И с какой болью после всего этого читаешь у Кеннана, что в свободном мире «не будет недостатка в людях, готовых содействовать этому процессу» — то есть мирному существованию по рецепту Хрущева, — если «Москва» (понимай: ЦК КПСС) согласится «подумать об общем пересмотре на обеих сторонах позиций и практики . . .» (Хрущев уже говорит, что Советский Союз «неоднократно демонстрировал свою готовность идти на компромиссы»). А почему бы «Москве» и не согласиться? Диктатура терять ничего не будет, потому что соглашения для ЦК КПСС — это ничто иное, как одно из тактических средств борьбы, обезоруживающее противника и дающее в нужный момент нужную передышку. Не больше! На Западе же «не будет недостатка в людях», фатально ведущих мир если не к катастрофе, то к драматическим коллизиям во всяком случае.

Пока еще дело обстоит совсем не так плохо, но стоит советским руководителям сделать какие-то новые тартюфовские «шаги вперед», которые умилят еще каких-то лежковерных и лежкомысленных деятелей на Западе, и дело может обернуться хуже... С этой точки зрения, чем больше хрущевского бахвальства и хамства, чем больше нагло-го бряцания оружием — тем лучше. И есть — и не мало — на Западе государственные мужи и политические деятели, мудростью и решимостью которых держится наш шаткий мир...

Мы утверждаем, что свободолубивый мир даже в теперешней «расслабленной» фазе своих взаимоотношений с лагерем диктатуры, несмотря ни на что, имеет на своей стороне силы сопротивления. Это те силы, которые вызывают ярость коммунистической пропаганды, которые, видимо, настолько действенны, что даже при своих внешне-политических успехах игнорировать их Хрущев не может. Однако, силы сопротивления коммунистической диктатуре — это пока не силы оттеснения или освобождения, это только охранительные, оборонительные силы. И тут Джордж Кеннан почти прав, когда он пишет:

«Общая точка зрения повсюду как правительств, так и отдельных лиц на Западе, несомненно, заключается в том, что хотя социальная и политическая система, господствующая сейчас в России такова, что она нас не прельщает, но ее существование и господство там нас не касаются; не наше дело менять ее; сама по себе она не является причиной, почему бы отношения мирного сосуществования не могли бы одержать верх...»

Вот эту-то концепцию мы принять и не можем! И мы не можем, в конце концов, поверить в то, что агрессивная и античеловеческая сущность коммунистической диктатуры для Запада в целом вообще не является причиной отказа от мирного сосуществования с Советским Союзом... Мы не думаем, что здесь Кеннан действительно выражает общую точку зрения Запада. Где же принципы неделимости свободы, прав человека, христианской культуры?!. Не слишком ли смело Джордж Кеннан делает обобщения?..

Конечно, можно сказать: какое дело Западу до диктатуры в России, она его «не касается...» По-русски это:

моя хата с краю. Но дело-то в том, что ЦК КПСС касается Запада и очень касается...

Однако, дело не так просто и не так страшно. Есть и другая точка зрения, резко осуждающая политику прития «мирного сосуществования» с «ненаказанными убийцами», осуждающая тех политических деятелей Запада, которые, усыпленные речами Хрущева, живут в мире иллюзий и своим непротивлением содействуют укреплению и распространению коммунистической диктатуры.

Джордж Кеннан пишет:

«Слово «мир» не имеет никакого смысла вне конкретных условий, которыми оно сопровождается. Мир — это не просто отсутствие открытых военных действий. В этом смысле у нас сегодня царит мир... Какое же содержание должны мы в таком случае вкладывать в термин «мир», как его употребляют коммунисты? Разве не резонно просить учеников Ленина внести в это заявление ясность и уточнить, когда они конкретно употребляют этот термин, о какого рода мире они говорят: о мире в чьих интересах? на каких условиях? какой ценой?»

С этим мы согласны. Вопрос поставлен правильно. Только — ясного и правильного ответа на него от «учеников Ленина» мы не получим. Ответим сами. О мире в чьих интересах идет речь, когда говорит Хрущев? В интересах коммунистической диктатуры. На каких условиях? На условиях, продиктованных ЦК КПСС. Какой ценой? Ценой сдачи свободным миром своих позиций. Пугая мировой ядерно-ракетной войной, Хрущев добивается именно такого, своего мира, — утверждая, что другого выхода нет, как «мирное сосуществование». Но, чтобы всем сосуществовать в мире на разумной основе, надо прежде всего ликвидировать постоянный очаг смуты, насилия и агрессии, который раздувает «ударная бригада мировой революции», создавая обстановку, в которой безнаказанно можно было бы покончить со строптивой свободой.

*

Недавно вице-президент Соединенных Штатов Никсон сказал, что «холодная война» будет продолжаться, видимо, еще лет пятьдесят... Мы не знаем, на чем именно конкретно основано «пророчество» Ричарда Никсона, но мы отнюдь не склонны уменьшать названного им срока. Мы считаем, что

— если не произойдет каких-либо форсмажорных событий, которые привели бы к ликвидации коммунистического «лагеря социализма», и если не вспыхнет война горячая — «холодная война» станет перманентной... Разве международные события мая 1960 года не доказывают этого? Лагерь коммунистической диктатуры сам разбил созданные им мифы — и о возможности мирного сосуществования, и о «потеплении».

Досада и озлобленность, вызванные тем, что не удалось усыпить противника и скрыть от него направляемые против него приготовления — с одной стороны, и тем что не удается заставить противника принять губящие его соглашения — с другой стороны, соединенные с органической ненавистью к свободе и усиленные явным недовольством и разочарованием не только народа, а и самого «коллективного руководства» — явились причиной саморазоблачения, которое продемонстрировал миру Хрущев, как глава советского правительства.

Искусственно созданный ЦК КПСС и раздутый Хрущевым скандал — это не только переход коммунистической диктатуры в новый этап «холодной войны», это, смотря так сказать «диалектически», перевод разрекламированного «мирного сосуществования» и «потепления» на грань горячей войны...

Парижские события 16-18 мая, как бы дальше не слагалась международная обстановка, навсегда сохранят свое значение. И значение их в том, что, с одной стороны, они показали миру истинную цену хрущевского лозунга «мирного сосуществования», а с другой — выявили бесплодность попыток соглашения с коммунистическим лагерем по основным политическим вопросам. Конечно, фактов, показывающих и выявляющих то же самое, всегда было сколько угодно, но таких убедительных, как дал нынешний майский Париж, за годы «мирной агрессии» советской империи в отношении Запада — еще не было.

Кажется, всем должен был открыться истинный лик коммунистической диктатуры, воплощенный на прессконференции в Париже в озверелом лице и кулаках первого секретаря КПСС... И всем лексикон теперешнего вождя международного коммунизма должен был показать, возможен ли с ним общий язык... Благодаря печальному, мо-

жет быть, инциденту с американским разведывательным самолетом, красные маски спали и руководство так называемого лагеря социализма показало свою и своей политической игры подлинную природу. Однако, разберем события и их последствия по порядку и по существу.

На сессии Верховного Совета СССР, проходившей в Москве 5—7 мая, Никита Хрущев заявил, что 1 мая у Свердловска на высоте 20.000 метров был сбит американский разведывательный самолет, вторгшийся в воздушное пространство Советского Союза со шпионскими целями... В последующие дни было установлено, что речь идет о невооруженном американском самолете «У-2», который производил воздушную разведку над Советским Союзом в интересах обеспечения безопасности свободного мира и мер предотвращения внезапного нападения. Одновременно стало известно, что подобные полеты производились уже давно и, как сказал Хрущев, он даже хотел говорить о них с президентом Эйзенхауэром в Кэмп-Дэвид, но, мол, «у нас не было вещественных доказательств», так как «мы не могли сбивать эти самолеты...»

Получив «вещественные доказательства», советское правительство, естественно, направило правительству США ноту протеста. А вместе с тем оно пустило на полный ход свой пропагандный аппарат, направив его по линии самой злобной, самой необузданной, переходящей все границы грубости и оскорблений, антиамериканской пропаганды. Чего стоят одни заголовки в советских газетах! «Агрессоров к позорному столбу!»; «Позор провокаторам войны!»; «Разбойничьи происки заокеанских империалистов»; «Черное пиратское знамя над Белым домом»; «Преступная авантюра»; «Воздушный гангстер»; «Бандитский налет»...

Сам Хрущев в своих выступлениях подливал масла в эту, действительно, позорную кампанию, направив совершенно невероятные для главы правительства великого государства выпады и лично против американского президента.

Однако, несмотря на все это шла подготовка к назначенному на 16 мая в Париже совещанию «на верхах», совещанию «четырех великих»: французского президента де Голля, американского президента Эйзенхауэра, английского премьер-министра Макмиллана и Хрущева. Хрущев, поно-

ся США и президента Эйзенхауэра, тем не менее не ставил никаких требований, обуславливавших его участие в совещании. Он только «предупредил» Запад на заседании Верховного Совета:

«Мы будем рассчитывать, что на совещании в верхах состоится разговор по существу тех важных проблем, которые ждут своего решения. Но если хотят шутить с нами шутки, если думают собраться лишь для того, чтобы демонстрировать силу и вымогать от Советского Союза какие-то односторонние уступки, то из этого ничего не выйдет»...

Как видим теперь, заявление было двусмысленное и подготовлявшее уход (если, мол, «не по нашему»), но не говорило ничего о срыве совещания до его начала.

14 мая Хрущев прилетел в Париж. На аэродроме Орли он обратился с заявлением к «уважаемым дамам и господам» (хрущевское обращение за границей), в котором среди прочего сказал: «... Советское правительство приложит все усилия к тому, чтобы совещание было успешным, чтобы оно привело к дальнейшему ослаблению международной напряженности и укреплению мира и безопасности народов»...

А на другой день, 15 мая, для придания Хрущеву на совещании большего веса, в Советском Союзе был осуществлен запуск на орбиту Земли «космического корабля»; вес «корабля-спутника» — 4 тонны 540 килограммов. Советское правительство подготовилось выступать в Париже с позиций силы!..

Так оно и выступило, но потерпело фиаско. Впрочем, это фиаско было, мы думаем, для советского правительства предвиденным и явилось выходом из положения, которое могло для него сложиться безвыходным.

Никто не ожидал от парижского совещания «в верхах» никаких более или менее значительных результатов. Особенно было ясно, что никакого сближения точек зрения по германскому и берлинскому вопросу на совещании быть не может. Канцлер Аденауэр, который 14 и 15 мая встретился в Париже с генералом де Голлем, президентом Эйзенхауэром и премьером Макмилланом, заявил печати по этому поводу, что решение германской проблемы возможно только «в целом», а это значит: сначала воссоединение Германии, а потом изменение статута Берлина; до воссоединения Герма-

нии статут Берлина изменен быть не может; ненормальное положение происходит не оттого, что не заключен мирный договор с Германией, а оттого, что она разрезана на две части. Иными словами — позиция прямо противоположная позиции Советского Союза. Союзники же, видимо, после неудачи прошлогодних «берлинских» переговоров в Женеве, сошли с позиции уступок...

Чего можно было ожидать — это частичного сближения точек зрения о разоружении и декларации в общих словах о необходимости разрядки напряжения, дальнейших переговоров и тому подобное. Оказалось, однако, что такой результат был бы поражением Советского Союза и ударом по советскому правительству — по Хрущеву лично, как примеру — так как уже слишком зарвался он в своих требованиях, обещаниях, заверениях и угрозах...

Ультимативное требование «вольного города Западного Берлина» через шесть месяцев — оказалось блефом: с ноября 1958 года прошло полтора года, а никаких изменений в берлинском статуте нет. «Исторический» план всеобщего и полного разоружения, разрекламированный по всему миру, приходится перерабатывать в утуду «империалистам». На мирный договор с двумя Германиями Запад не идет, как ни пугает его Хрущев ракетами. Американские базы на чужих (читай союзных) территориях остаются. Ни НАТО, ни СЕАТО, ни СЕНТО разбить не удастся. Где же реальные успехи хрущевской внешней политики? Где же реальные успехи хрущевской «туристической дипломатии»?

Все «исторические путешествия», все радушные приемы, оказанные первому секретарю ЦК КПСС, все его многословные речи никаких существенных изменений в лагере свободы не произвели: ни расколоть его, ни разоружить, ни запугать не удалось; он остается сплоченным (а где в свободном сообществе не бывает внутренних недоразумений) и укрепляющим свою оборону.

В такой обстановке провал совещания «на верхах», которому Хрущев придавал первостепенное значение, ставил бы его в глазах и оценке не только народа, но и партии, в положение тщеславного и хвастливого болтуна, неспособного на реальные достижения: и здесь, мол, ничего не достиг, а стремился... К тому же поездки в США и Фран-

цию, совещания «на равных правах» с президентами и пышность приемов утолили личное честолюбие Хрущева — и новая встреча с этими президентами уже не была важна для его самоутверждения. Не отсюда ли и пришло решение сорвать совещание «в верхах»? Дальнейшие осложнения, рост международной напряженности не останавливали — надо было сейчас «сохранить лицо», попытаться «сохранить лицо». А интересы мира? Да когда же, действительно, мир интересовал ЦК КПСС !..

Не следует забывать и еще одного очень важного факта: какие последствия пресловутое сосуществование, соединенное с обменом делегациями и туристами, влечет за собой для Советского Союза. Мы знаем доподлинно, так сказать, из первоисточников, что те явления чуждой идеологии и космополитизма, буржуазности и мещанства, на которые до сего дня обрушивается коммунистическая пропаганда, не в малой степени питаются из общения советских людей с Западом. И все, наверное, еще помнят, какое впечатление произвела в Москве американская выставка и какую пищу умам советских людей дали выступления Ричарда Никсона в бытность его в Советском Союзе. В этих условиях ЦК КПСС несомненно вынужден был искать средства для сокращения всяческого «обмена» с Западом, чтобы ограничить то «вредное» влияние, которое за последнее время проникло с Запада. Но, конечно, это нельзя было делать открыто: надо было найти повод или создать препятствия, якобы от советского правительства не зависящие. А тут еще визит в Москву президента Эйзенхауэра !..

Влияние личного обаяния советские руководители не недооценивают. Они поняли, что встреча американского президента с советскими людьми и его полные идеализма и истинного миролюбия речи не могут не произвести впечатления, нежелательного диктатуре. В этом смысле приезд в Советский Союз президента Эйзенхауэра и сопровождающих его лиц, несомненно, в значительной степени усиливал бы то «вредное» западное влияние, которое и так дает себя знать. Следовательно... следовательно хорошо было бы как-нибудь этого визита избежать! Так, по нашему мнению, могли думать в ЦК КПСС. И искусственное раздувание инцидента с американским самолетом, сопровождавшееся инсценировкой на собраниях и митингах

«народного гнева», давало Хрущеву возможность, подняв скандал, взять обратно сделанное президенту Эйзенхауэру приглашение. И это тоже могло сознательно вести к срыву совещания.

Наконец — и это может быть самое главное после решения, воспользовавшись инцидентом с самолетом, сорвать совещание, потому что оно для Хрущева и советского руководства ничего не даст, — это желание использовать момент для попытки разбить запутыванием союзную оборонительную систему свободного мира. Угрозы в адрес всех стран, где размещаются американские базы, особенно же в адрес Пакистана, Турции и Норвегии, якобы «причастных» к маршруту «У-2», на этот раз носили особенно красноречивый и многообещающий характер: «Мы будем наносить сокрушительные удары по базам, откуда самолеты вылетают» — говорил Хрущев на прессконференции. Известно, что американские базы на союзных территориях, связывающие агрессивные руки диктатуры, давно представляют собою основной объект советских безрезультатных угроз — и теперь атака Хрущева снова не дала результатов. Поневоле только и скажешь: «Мы уверены, что в недалеком будущем поймут все те, кто предоставил свои земли под американские военные базы, что в таких делах шутки плохи»...

Как будет в «недалеком будущем» — увидим. Мы это «недалекое будущее» представляем себе совсем иначе, чем Хрущев. А пока что — несмотря на перевороты в Южной Корее и Турции — ни одно звено из цепи обороны свободного мира не выпало.

И еще, несомненно, была цель в том же плане: оторвать Европу от США, оставив президента Эйзенхауэра в Париже в одиночестве. Сорвалось и здесь: свободный мир в критический момент оказался единым; попытки посредничества и улаживания конфликта («день размышлений») были только проявлением доброй воли и отнюдь не говорят о разногласиях в среде «трех». Вместо раскола, как никогда, было продемонстрировано единство свободного мира.

Прежде, чем мы вернемся к изложению событий, остановимся еще на обоснованности «морального негодования» советского правительства в связи с полетами самолетов-«фотографов» над территорией Союза. Программа «широкого наблюдения с воздуха», которая проводилась Соединенными

Штатами, имела целью принятие мер для предотвращения внезапного нападения, поскольку переговоры по этому вопросу ничего положительного не дали. К тому же необходимо, как сказал президент Эйзенхауэр, обезопасить США и свободный мир от страны, которая все время грозит их уничтожить... Всем известно, что каждая страна в интересах своей обороны занята сбором секретных сведений — теми средствами, которыми она обладает. В этом отношении кто может поручиться, что запущенный 15 мая советский «корабль-спутник» не фотографирует территории Соединенных Штатов, Англии и Франции, над которыми он пролетает в 320 километрах от Земли, и не передает полученные снимки специальным кодом советской разведке?... По какой логике выходит, что летать над чужой территорией на высоте 320 километров можно, а на высоте 20 километров нельзя?... Возможности фотографирования в наше время поистине безграничны: ведь сфотографирована же советским лунником обратная сторона Луны... Во всяком случае, свердловский инцидент спокойно можно было бы урегулировать дипломатическим путем.

Мы постарались дать возможно полный анализ причин и обоснованности того шага Хрущева в Париже 16 мая, который сознательно привел к срыву совещания «на верхах». Теперь вернемся к изложению событий.

16 мая на открытии совещания «на верхах» первое слово взял Хрущев, который сразу же в ультимативной форме поднял вопрос об «У-2». Уже накануне было известно, что Хрущев будет говорить, как он назвал, о «самолете-пирате», и если не получит удовлетворения, то откажется от участия в совещании, но никто не мог ожидать, что вопрос будет поставлен им так, чтобы «удовлетворения» то и не получить... Глава советского правительства потребовал, чтобы до того, как начать совещание, президент Эйзенхауэр торжественно осудил «провокационные действия» американской авиации и принес извинения, чтобы от имени правительства США он заявил об отказе от подобных действий и «подобной политики против СССР» в будущем, и о «наказании всех виновных»... Без выполнения американским президентом этих требований Хрущев отказывается от участия в совещании, предлагая перенести его на срок от шести до восьми месяцев...

Мог ли рассчитывать советский премьер на принятие его условий президентом Эйзенхауэром? — ведь это было бы капитуляцией демократии и свободного мира... Конечно нет. Разве где то была только тайная мысль: а вдруг... вдруг у Запада победит дух соглашательства... Рассчета на это быть не могло: не было никаких данных, чтобы демократия капитулировала. Расчет мог быть — и был — один: сорвать совещание. О причинах мы уже говорили. Даже заявление президента Эйзенхауэра о прекращении полетов над советской территорией не удовлетворило Хрущева. Он оскорблял и требовал от американского президента самосечения.

Демократия не капитулировала: хрущевский ультиматум был отвергнут. Очередная угроза заключить сепаратный мир с так называемой Германской Демократической Республикой, «передав» ей суверенитет над Берлином и «лишив» тем союзников права свободного сообщения с западным Берлином и пребывания в нем — не подействовали. Совещание было сорвано. Важнейшие вопросы международных отношений, требующие разрешения в интересах всего человечества, Хрущевым были принесены в жертву «холодной войне».

Эпилогом в Париже была скандальная прессконференция, которую Хрущев дал во дворце Шайо 18 мая. Не преувеличивая, это было нечто невообразимое, стыдное и страшное по бесстыдной демагогии и тому хулиганскому тону, который носили реплики Хрущева, выступавшего в роли праведника-мироотворца и обвинителя «агрессоров». Озлобленный и распоясавшийся советский кремль предстал здесь в полном «величии», потрясая кулаками и сыпая словечками как «свинные рыла», «дали им по зубам» «и еще двинем»... Получилась прекрасная иллюстрация к «существованию»...

Из Парижа Хрущев вылетел в восточный Берлин. Ожидалось, что там он приведет в исполнение свою угрозу и подпишет, по его словам давно приготовленный, сепаратный мирный договор с режимом Ульбрихта-Гротевоя. Однако, этого не произошло. Почему? Первый секретарь КПСС, столкнувшись с решительным образом действий союзников в Париже, не рискнул сам на действия, могущие вызвать неисчислимые последствия... Процитируем по

этому поводу слова Хрущева, сказанные им на митинге в Берлине:

«Советское правительство предложило созвать совещание через 6-8 месяцев... Если мы не найдем общего языка для решения спорных международных вопросов с нынешними руководителями США или при президенте, который придет на смену Эйзенхауэру, тогда будем ждать следующего президента. Но с решением вопроса о ликвидации остатков второй мировой войны, заключением мирного договора с Германией и урегулированием на этой основе западноберлинского вопроса мы долго ждать не будем»... — Как будто достаточно категорично, хотя речь идет уже о «ждать», а не о немедленном заключении договора. Но вот в той же речи дальше:

«Спрашивается: не пришло ли время пойти уже сейчас на заключение мирного договора с Германской Демократической Республикой?.. Мы рассмотрели этот вопрос. И вот к какому выводу пришли... Мы хотели бы верить, что через 6-8 месяцев совещание в верхах состоится... В этих условиях имеет смысл подождать еще немного... Поэтому в отношении германского мирного договора и в том числе по вопросу о западном Берлине, видимо, надо будет сохранить существующее положение до встречи глав правительств».

И хотя дальше, как всегда, снова идут угрозы («Мироплюбивые страны не позволят увековечить режим оккупации в западном Берлине!»), факт остается фактом: до сих пор после всякого наскока, как то было например перед Парижем в Баку и в самом Париже, Хрущев вынужден идти на попятный... Охотно он этого, надо полагать, не делает. Это — результат стойкости западных союзников в вопросе их прав в западном Берлине. Правда, не следует делать вывода, что ЦК КПСС и советское правительство вообще пойдут на попятный. Не следует! Западноберлинский вопрос, по нашему мнению, остается и будет оставаться невралгическим пунктом Европы, пока германский вопрос не будет разрешен в целом. Если же учитывать, на какие безответственные и безумные поступки способен нынешний глава коммунистической империи (мы видели это в Париже), то преуменьшать «берлинскую опасность» мы не

имеем права, несмотря на сегодняшнюю восьмимесячную «отсрочку» вопроса.

Обращает на себя внимание в берлинской речи Хрущева еще один пассаж — тот, где говорится о политике советского правительства после провала совещания «на верхах». Хрущев, обвинив Соединенные Штаты в «вероломстве» и «агрессии», снова надевает на себя тогу миротворца и говорит:

«Что можно считать несомненным для политики Советского Союза и других стран Варшавского договора? Мы не сделаем ничего такого, что обостряло бы международную обстановку и возвращало ее к худшим временам холодной войны. Напротив, правительство Советского Союза, как и прежде, будет делать все необходимое, чтобы вести дело к оздоровлению международной обстановки и улучшению отношений между государствами».

Это говорится после преднамеренного срыва парижского совещания «на верхах», после таких оскорбительных выпадов против ряда государственных деятелей Запада, какие просто невозможно себе представить в нормальном человеческом сообществе, после «исторической» (скверная история...) прессконференции во дворце Шайо... Мало того, через несколько же дней, 28 мая, на Всесоюзном совещании передовиков соревнования бригад и ударников коммунистического труда (название то какое!) Хрущев, цитируя известное «Письмо запорожцев турецкому султану», буквально нецензурно «характеризовал» отношения, якобы имеющиеся сейчас между СССР и Соединенными Штатами. Что же это — оздоровление международной обстановки? Не будем уже говорить о таких «мелочах», как: «свиньи», «военные разбойники», «не высоко ценится такое правительство», «зафорресторили», «надо сбить спесь» — и так далее. Что же это — улучшение отношений между государствами?

Недовольный тем, что президент де Голль и премьер-министр Макмиллан не склонили президента Эйзенхауэра к принятию его ультиматума, Хрущев в лагерь «агрессоров», «разбойников» и «воров» зачисляет и Францию, и Англию. Он оскорбляет членов Совета Безопасности Организации Объединенных Наций, отклонившего 26 мая советскую резолюцию с требованием осуждения Соединенных Штатов «за агрессивные действия» (только Польша поддержала

Громыко) — говоря: «черт у черта глаз не выдерет», «так могут судить разбойника только те, кто сам занимается разбоем»... И это называется «мы не сделаем ничего, что обостряло бы международную обстановку»...

Так Хрущев опровергает Хрущева. Так хрущевское мирное сосуществование скатывается на выдвинутый в прошлом году хрущевский «мирный» тезис «мы вас угробим»...

Неужели всего этого еще мало, чтобы свободный мир освободился от прельщения мирного сосуществования... Неужели парижский опыт и все сопровождавшие его «высказывания» Хрущева, Громыко и Малиновского не открывают глаз на сущность того мира и того разоружения, которыми коммунистическая диктатура соображает и обманывает свободные демократические страны... Чего стоит одно «предупреждение» Малиновского о ракетном обстреле без предупреждения американских баз, если над СССР появится чужой самолет... Впрочем, мы уже говорили: не так страшен черт, как его малюют.

Неужели ответственные руководители свободного мира не в состоянии сделать выводов и избрать, наконец, правильный путь «сосуществования» с миром диктатуры — путь твердости и решимости в постоянной искренней поддержке стремящихся к освобождению от коммунистического порабощения народов, путь изоляции и бойкота коммунистических режимов и правительств, путь отказа от соглашательства из за боязни возникновения горячей войны.

Войны никто не хочет, война не должна иметь места. Но только путь твердости и решимости объединенного и сильного Запада спасет мир и от порабощения диктатурой, и от войны.

Фактическое сосуществование не должно переходить в принципиальное сосуществование. Идеологическая, политическая и духовная борьба, поднятая Западом на степень моральной непримиримости и ведущаяся активно и наступательно — должна сменить пресловутое и обманное «мирное сосуществование». И в этих условиях вести войну коммунистическая диктатура будет не в состоянии, — тогда как принятие Западом сосуществования дает диктатуре новые силы и возможности, развязывающие войну.

Мы считаем комплекс событий, связанных с провалом парижских совещаний, удачей для свободного мира, если не успехом. Эту удачу надо развить.

1. 7. 60.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Центрального Объединения Политических Эмигрантов из СССР
М ю н х е н — 1960

Verlag ZOPE
München 19, Renatastr. 77 • Deutschland